

Письма 1961-1975
Ариадна
Эфрон
Впервые!

Мемуары, дневники, письма

*Вторая жизнь
Марины Цветаевой*

*На маму я совсем не похожа, и совсем другой породы
(отцовской)... Но печать свою мать
на меня поставила...*

Мемуары, дневники, письма

Ариадна Эфрон

**Вторая жизнь Марины
Цветаевой: письма к Анне
Саакянц 1961 – 1975 годов**

«Издательство АСТ»

2021

УДК 821.161.1-311.6
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Эфрон А. С.

Вторая жизнь Марины Цветаевой: письма к Анне Саакянц
1961 – 1975 годов / А. С. Эфрон — «Издательство АСТ»,
2021 — (Мемуары, дневники, письма)

ISBN 978-5-17-136432-8

Марину Цветаеву, вернувшуюся на родину после семнадцати лет эмиграции, в СССР не встретили с распростертыми объятиями. Скорее наоборот. Мешали жить, дышать, не давали печататься. И все-таки она стала одним из самых читаемых и любимых поэтов России. Этот феномен объясняется не только ее талантом. Ариадна Эфрон, дочь поэта, сделала целью своей жизни возвращение творчества матери на родину. Она подарила Марине Цветаевой вторую жизнь – яркую и триумфальную. Ценой каких усилий это стало возможно, читатель узнает из писем Ариадны Сергеевны Эфрон (1912–1975), адресованных Анне Александровне Саакянц (1932–2002), редактору первых цветаевских изданий, а впоследствии ведущему исследователю жизни и творчества поэта. В этой книге повествуется о М. Цветаевой, ее окружении, ее стихах и прозе и, конечно, о времени – событиях литературных и бытовых, отраженных в зарисовках жизни большой страны в непростое, переломное время. Книга содержит ненормативную лексику В формате PDF А4 сохранён издательский дизайн.

УДК 821.161.1-311.6
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-17-136432-8

© Эфрон А. С., 2021

© Издательство АСТ, 2021

Содержание

Ариадна – дочь поэта. Дело ее жизни...	7
Письма	18
1961	18
1	18
2	19
3	20
4	21
5	21
6	22
7	24
8	25
9	26
10	27
11	28
12	29
13	30
14	32
15	34
16	34
17	34
18	36
19	37
20	39
21	40
22	40
23	42
24	43
25	43
26	45
27	45
28	46
29	47
30	49
31	49
32	49
33	50
34	52
35	54
Конец ознакомительного фрагмента.	55

Ариадна Эфрон
Вторая жизнь Марины Цветаевой
Письма к Анне Саакянц 1961–1975 годов

Серия «Мемуары, дневники, письма»

Дизайн серии Григория Калугина

На обложке рисунки из фондов Shutterstock

В оформлении книги использованы фотографии из архивов Л. А. Мнухина и Дома-музея Марины Цветаевой

Составление Льва Мнухина

Подготовка текста, предисловие и комментарии Татьяны Горьковой

© А. С. Эфрон (наследники), 2021

© Л. А. Мнухин (наследники), составление, 2021

© Т. А. Горькова, предисловие, комментарии, 2021

© Дом-музей Марины Цветаевой, 2021

© ООО «Издательство АСТ», 2021

* * *

Ариадна – дочь поэта. Дело ее жизни...

После отъезда из Советской России в мае 1922 г. Цветаева практически исчезла с российского поэтического горизонта. Правда, в 1923–1927 гг. в Москве и Ленинграде еще появлялись публикации ее произведений в антологиях и поэтических сборниках¹. Но это были лишь единичные случаи. В эмиграции Цветаеву знала в основном интеллектуальная элита, широкого читателя у нее не было, хотя она выпустила несколько поэтических сборников, печатала в эмигрантских журналах свою прозу. Тем не менее она так и не вписалась в контекст зарубежной литературной жизни. Сведения же о ней на родину практически не доходили.

Цветаева, вернувшись после семнадцати лет эмиграции в СССР, страну для нее практически «новую» (да и ее давно забывшую), мечтала снова заявить о себе как о поэте. С помощью друзей она получила предложение от Гослитиздата составить небольшой (всего 3000 строк) сборник, который впоследствии получил название «Сборник 40-го года». Цветаева его готовила и передала в издательство 1 ноября 1940 г. Книга была включена в план выпуска 1941 г. Но, согласно действующим в стране правилам, издание должно было предварительно пройти рецензирование. Одним из рецензентов оказался влиятельный в то время критик (в прошлом теоретик конструктивизма) Корнелий Люцианович Зелинский. Через три недели появилась шестистраничная рецензия – злая, жестокая, несправедливая, написанная с позиций господствующей идеологии. Рецензент обвинил Цветаеву в формализме и «политической нейтральности» (читай – политической неблагонадежности), назвал ее поэзию стихами «с того света», которые дают «диаметрально противоположное, даже враждебное представлениям о мире, в кругу которых живет советский человек. Книга Марины Цветаевой – душная, больная, печальная книга», – подвел итог рецензент. Так что надежды на издание сборника практически не осталось². Потом началась война, и рукопись затерялась где-то в суе дний. Папка со стихами была найдена случайно много лет спустя среди рукописей в Красноуфимске, куда эвакуировалось издательство. Примечательно, что, узнав о содержании рецензии Зеленского, Цветаева на экземпляре книги со своей правкой написала: «Р. С. Человек, смогший аттестовать такие стихи, как формализм – просто бессовестный. Я это говорю – из будущего. М.Ц.». Она верила – будущее у нее и ее поэзии на родине есть...

Но прошло еще много лет, прежде чем Цветаева стала известна советским читателям.

Дочь поэта, Ариадна Сергеевна Эфрон, была потрясена трагической гибелью матери (узнала об этом лишь 13 июля 1942 г., так как близкие скрывали от нее сведения о смерти Цветаевой). Она корила себя: «Если бы я была с мамой, она бы не умерла. Как всю нашу жизнь, я бы несла часть ее креста, и он не раздавил бы ее...»³. Еще находясь в заключении, дочь поклялась перед близкими и своей совестью: «Мне важно сейчас продолжить ее дело, собрать ее рукописи, письма, вещи, вспомнить и записать всё о ней, что помню, – а помню бесконечно много. Скоро-скоро займет она в советской, русской литературе свое большое место, и я должна помочь ей в этом»⁴. Дочь, как никто, понимала, что мать – большой поэт, она неод-

¹ Например, в 1923 г. в московском сборнике «Зарницы. Чтец-декламатор для детей» (составитель Н. С. Ашукин) были напечатаны два стихотворения, в 1925 г. – в сборнике «Русская поэзия XX века. Антология русской лирики от символизма до наших дней» (составители И. С. Ежов и Е. И. Шамурин) – девять стихотворений и в антологии «Образ Ахматовой» под ред. Э. Голленбаха – четыре стихотворения, в «Книге для чтения по истории новейшей русской литературы», составленной В. Львовым-Рогачевским, – одно стихотворение), в 1927 г. – в сборнике Леонида Гроссмана «От Некрасова до Есенина. Русская поэзия 1840–1925» – одно стихотворение.

² Сборник был напечатан лишь в 1991 г. См.: *Цветаева М. Где отступает любовь... Сборник 40-го года. Последние стихи и письма. Воспоминания современников* / Сост., вступ. статья и коммент. Н. В. Ларцевой. – Петрозаводск: Карелия.

³ *Эфрон А. С. История жизни, история души: В 3 т. / Сост., подгот. текста, подгот. ил., примеч. Р. Б. Вальбе.* – М.: Возвращение, 2008. Т. 1. С. 55.

⁴ Там же. С. 56.

нократно повторяла в письмах мысль о том, что Цветаева должна занять свое достойное место в русской литературе, что это должно быть общепризнанным, а «мы должны приготовить для этого всё, что в наших силах. Так будем жить... во имя этого», – писала она тетке Анастасии Ивановне в 1954 г. еще из Туруханска⁵.

«Во имя этого» А. С. Эфрон и стала жить – возвращение Цветаевой из небытия было теперь главной задачей, стало делом жизни дочери: «...всё, что касается ее литературного наследия, я сделаю. И смогу сделать только я». Вернувшись из ссылки (реабилитирована в 1955 г.), она начала вести работу, а точнее борьбу, по возвращению памяти матери на родину. Ее стремления поддерживали те, кто ценил Цветаеву, – Э. Г. Казакевич, А. К. Тарасенков, И. Г. Эренбург. Ариадна подготовила первую посмертную книгу стихов Цветаевой «Избранные произведения», ей помогали Казакевич и Тарасенков. Они же сумели договориться с директором Гослитиздата Анатолием Константиновичем Котовым о том, что сборник примут к изданию и в 1957 г. он будет включен в план выпуска. В ноябре 1955 г. рукопись была сдана в издательство: Ариадна Сергеевна выполнила составление, подготовила тексты и примечания (объем книги 14 авторских листов). Книга с самого начала продвигалась с большим трудом. В декабре из-за смерти Котова пришлось перезаключить договор с новым директором – А. И. Пузиковым (которого вскоре заменил Г. И. Владыкин). Объем книги сократили до 8 листов, а затем до 8000 строк. Несмотря на все трудности, книга, возможно бы, и увидела свет (уже началась работа с редактором издательства Марией Яковлевной Сергиевской), как и было запланировано, но случилось непредвиденное. В мае 1956 г. Гослитиздат пригласил И. Г. Эренбурга написать предисловие. Вступительная статья «Поэзия Марины Цветаевой» была им подготовлена. В ней он рассказал о сложном и противоречивом жизненном пути поэта: «В 1922 году Марина Цветаева уехала за границу. Она жила в Берлине, в Праге, в Париже. В среде белой эмиграции она чувствовала себя одинокой и чужой. В 1939 году она вернулась в Москву. В 1941 году покончила жизнь самоубийством.

Два глубоких чувства она пронесла через всю свою сложную и трудную жизнь: любовь к России и замороженность искусством. Эти два чувства были в ней слиты. <...> Наконец-то выходит сборник стихов Марины Цветаевой. Муки поэта уходят вместе с ним. Поэзия остается»⁶. Статья была вполне корректной и лояльной, но сама биография эмигрантки в то время воспринималась неоднозначно. К тому же Эммануил Казакевич решил привлечь внимание к имени Цветаевой (как бы теперь сказали, «пропиарить» давно забытого поэта), поместив во втором номере литературно-художественного альманаха московских писателей «Литературная Москва», вышедшем в конце 1956 г., семь стихотворений Цветаевой, предварив их статьей Эренбурга.

И разразился грандиозный скандал, в результате которого «Литературная Москва» была закрыта, редакция альманаха подверглась разгромной критике – от статьи А. Дмитриева в газете «Правда» до издевательского фельетона И. Рябова в журнале «Крокодил» под названием «Про смертяшкиных», поносящего память Цветаевой. В этот хор вписались и литературные издания («Вопросы литературы», «Литературная газета»). Эренбурга обвиняли в том, что в статье отмечается, будто трагедия Цветаевой «никак не связана с ее глубоким отчуждением от революционных путей родной страны», а также в том, что автор статьи «уклоняется от исторического конкретного анализа и прямых идейных оценок» и пропагандирует произведения «декадентствующей поэтессы», от стихов которой «веет чужеродным, давно ушедшим в прошлое» и которые «не нашли отклика в сердце народа» и т. д. и т. п.

⁵ Там же. С. 339.

⁶ Марина Цветаева в критике современников: В 2 ч. Ч. 2. Обреченность на время / Сост. Л. А. Мнухина, подгот. текста и коммент. Л. А. Мнухина и Е. В. Толкачевой. – М.: Аграф, 2003. С. 98–108.

Эренбург защищался, писал в ЦК, доказывал, что Марина Цветаева – выдающаяся русская поэтесса, что ее нельзя отдавать врагам, ведь Цветаеву уже эмигранты печатают в Америке (Цветаева М. Проза / Предисл. Ф. Степуна. Нью-Йорк: Изд-во им. Чехова, 1953) и присваивают ее себе, а этого нельзя допустить, не надо отдавать свое национальное богатство, коей и является Цветаева. Однако его никто не услышал или не захотел услышать. (Надо сказать, что спровоцировало столь бурную реакцию не только имя Цветаевой, но и имя самого Эренбурга, который после публикации повести «Оттепель», напечатанной в майском номере журнала «Знамя» в 1954 г., был подвергнут жесткой критике.) В результате уже сверстанную книгу послали на дорецензирование трем рецензентам – Н.Л. Степанову, В.Ф. Огневу и В.О. Перцову. Первые два положительно отзывались о составе сборника и о статье Эренбурга. Перцов же полностью отверг статью и счел необходимым заказать новое предисловие, а также предъявил критические претензии к составителю сборника. В итоге книга Цветаевой пролежала в Гослитиздате еще пять лет и так и не увидела свет⁷.

Надо отметить тем не менее, что первая посмертная публикация стихов Марины Цветаевой после многих лет забвения все же осуществилась в СССР в 1956 г., но не в книге, а в двух почти одновременно вышедших журналах, издаваемых, кстати, достаточно большими для поэзии тиражами – 70 000 и 30 000 экземпляров. О первом уже говорилось. Вторым был московский альманах «День поэзии 1956» (выпущен издательством «Московский рабочий»), в котором напечатаны одиннадцать цветаевских стихотворений. Подборку составил А.К. Тарасенков, он же написал небольшое предисловие о Цветаевой: «В ее огромном и многообразном литературном наследстве, насчитывающем сотни страниц стихов, поэм, драм, прозаических и литературно-критических творений, предстоит критически разобраться советским литературоведам, отобрать из него все то, что находится в родстве с идеями свободы, прогресса, человечности, все то, что было нового, передового в творчестве этой глубоко одаренной писательницы»⁸.

Стихи в этих двух изданиях стали первой после долгого молчания публикацией поэзии Цветаевой в официальной советской прессе. И оба вышли в Москве, которую семья Цветаевых, как справедливо замечала Марина Ивановна, щедро «одарила». Родной город Цветаевой начал отдавать свои долги...

После первой неудачи с книгой Цветаевой Ариадна Сергеевна не опустила рук. В начале января 1961 г. она обратилась с просьбой о «помощи книге моей матери» к известному литературоведу, исследователю творчества Александра Блока Владимиру Николаевичу Орлову, главному редактору серии «Библиотека поэта», лауреату Сталинской премии: «Книга уже пятый год путешествует из плана в план в Гослитиздатовских недрах – а в этом году, 1961, в августе, исполнится 20 лет со дня смерти матери – как важно, как нужно, чтобы книга вышла!» Она просит Орлова написать предисловие к первой книге Цветаевой, которая выйдет в СССР. «Я не стану Вам говорить о том, что Цветаева – большой поэт. <...> Что она не забытый (ибо ее не знают) – но еще не открытый у нас и нами – поэт»⁹.

Орлов откликнулся на просьбу дочери поэта и подал заявку в издательство, но уже на новую книгу (будучи редактором, он попросил коренным образом переработать содержание того сборника, который готовила Ариадна Сергеевна, обещал написать статью к книге и сделать комментарии). Этот первый посмертный сборник произведений Цветаевой «Избранное» (в сером тканевом переплете, объемом 304 страницы, тиражом 25 000 экземпляров) 14 июня 1961 г. был сдан в набор, 5 сентября этого же года подписан в печать и вскоре увидел свет. В

⁷ Подробнее см.: Мнухин Л. Дело: «Марина Цветаева 1956 года (неизданная)» / Марина Цветаева в XXI веке. XIII и XIV Цветаевские чтения в Болшеве. Сб. докл. – М.: Возвращение; Музей М. И. Цветаевой в Болшеве, 2003. С. 255–263.

⁸ Марина Цветаева в критике современников. Обреченность на время. С. 96–98.

⁹ Эфрон А. С. История жизни, история души. Т. 2. С. 87.

него вошли 151 стихотворение, датированное 1913–1941 гг., и 2 поэмы, написанные в 1924 г., – «Поэма Горы» и «Поэма Конца». Именно с этого сборника принято вести отсчет возвращения на родину Марины Цветаевой: ее стихами и поэмами, ее именем и личностью...

Редактором книги напросилась стать Анна Александровна Саакянц, в 1955 г. пришедшая в Гослитиздат сразу же после окончания филологического факультета Московского университета. К ней и адресованы письма (331) Ариадны Сергеевны Эфрон, составляющие содержание настоящей книги. Они дают представление о годах напряженной работы над первым посмертным сборником «Избранное», а затем и над книгой «Избранные произведения», вышедшей в 1965 г. в Большой серии «Библиотека поэта».

Сохранилась записка Ариадны Сергеевны от 9 января 1961 г., присланная Анне Саакянц, с пометой последней: «Первое письмо от А<риадны> С<ергеевны> – ответ на мое, где я сообщаю, что являюсь одним из редакторов первого сборника Цветаевой (Гослитиздат)». А. Эфрон писала: «Милая Анна Александровна, рада была получить Вашу весточку, т. к. сама я долго еще раскачивалась бы. Рада, что Вы – “со”-редактор» (редактором книги был назначен старший опытный коллега, которому в помощь и был приписан молодой специалист). «Соредактор» сразу пришелся по душе дочери поэта: интеллигентная, тонко чувствующая поэзию, талантливая девушка была именно тем человеком, который требовался для подготовки такой трудной книги в столь сложных обстоятельствах (даже несмотря на «оттепельное» время). Анна Александровна поняла, что было для Ариадны Сергеевны издание этой книги, как трепетно она относилась ко всему, что связано с матерью. «Я надеюсь и верю, что мы с Вами хорошо поработаем вместе над тем, что нам дорого обеим. Я недоверчиво отношусь, – как ни странно, – к тем, кто “любит Цветаеву”, – для меня это настолько ко многому обязывающее понятие! Но вот, мне думается, что Вы любите так, как надо – и ей, и мне. И у Вас есть абсолютный для нее слух, т. е. та сдержанность именно, без которой невозможна абсолютная к ней любовь», – это слова Ариадны Сергеевны из ее письма к А. Саакянц от 16 апреля 1961 г. В другом письме (от июня 1961 г.), вспоминая о матери, она признавалась: «Она бы очень любила Вас, больше того, именно в Вас она нуждалась. Откуда я знаю? Да дело в том, что (без всякой мистики, я к этому не склонна!) она мне многое в жизни говорит, может быть, больше, чем при жизни. Горько, что Вы с ней не встретились, хорошо, что встретились со мной. Я многое Вам расскажу и доверю».

Ариадна Сергеевна, человек не очень-то доверяющий окружающим (так научила ее жизнь), близко «допустила» к себе своего «соредактора», вскоре, однако, получившего новый статус – «соавтора». Они стали не просто коллегами по работе, а близкими людьми – и по духу, и по отношению к жизни. Правда, непременно соблюдалась субординация: «старшая» – «младшая» («младшая», впрочем, всегда имела собственное мнение). «Старшей», конечно, была Ариадна Сергеевна. Она иногда учила, направляла, заботилась, бывало, и журила. Но очень высоко оценивала творческий потенциал своего «соавтора», сумела рассмотреть талант Анны Александровны – и к писательству, и к аналитическим исследованиям, которые так необходимы литературоведам и историкам литературы. Она «назначила» Анну Саакянц своей заместительницей, наследницей по цветаевским делам: «Мне хочется (не то слово, ну ладно!) – Вам передать Цветаеву. Чтобы постепенно, со временем Вы стали первым – и на долгое время вперед единственным “специалистом” и знатоком. Чтобы к тому времени, что Цветаева действительно воскреснет для читателей – а Вы до него доживете, Вы о ней могли сказать с полнейшей достоверностью. Поэтому только Вам я дам доступ к тому, чем располагаю, и открою Вам то, что надо, чтобы знать шире, больше, глубже... Я – человек куда более “разборчивый”, чем собственная мать (на людей), да, верно, и “разбираюсь” лучше. И думаю, что в Вас, своей наследнице, не ошиблась». Эти слова звучат как завещание А.С. Эфрон. Ее надежда на дальнейшую судьбу Анны Александровны Саакянц полностью оправдалась – она стала одним из первых авторитетных специалистов по творчеству Цветаевой. Вместе с А. Эфрон они подгото-

вили не только первую книгу Цветаевой, но и первое издание М. Цветаевой в серии «Библиотека поэта» (здесь они уже сотрудничали и как составители, и авторы комментариев). Потом ими были подготовлены книги «Мой Пушкин» (1967), сборник переводов Цветаевой «Просто сердце» (1967) и сборник пьес «Театр» (1988), а также многие книжные и журнальные публикации поэзии и прозы Цветаевой. Уже после ухода А. Эфрон из жизни А. Саакянц продолжила исследовательскую работу. Ею была написана в 1986 г. первая вышедшая на родине поэта книга-биография «Марина Цветаева. Страницы жизни и творчества (1910–1922)» а затем в 1997 г. – книга «Марина Цветаева. Жизнь и творчество», дополненная новыми документами и материалами, полностью отражавшими жизненный и творческий путь поэта. Вместе с Л. Мнухиным составлен внушительный по объему и содержанию фотоальбом «Марина Цветаева. Фотолетопись жизни поэта» (2000). Итогом работы Анны Александровны явилось Собрание сочинений Марины Цветаевой в семи томах (М., 1994–1995), подготовленное вместе с Л. Мнухиным. А.А. Саакянц – участник многих международных конференций и симпозиумов по творчеству Цветаевой. Об А.С. Эфрон она оставила воспоминания, вошедшие в кн. «Спасибо Вам! Воспоминания. Письма. Эссе» (М., 1998).

Хотя А.С. Эфрон не числилась ни среди составителей первой книги «Избранное», ни среди авторов комментариев (ее фамилия, как участника подготовки сборника, была всего лишь упомянута, и то после настоятельной просьбы Владимира Орлова, перед его комментариями), она приняла в ее подготовке самое деятельное участие. Ей хотелось, чтобы в книгу вошли только лучшие стихи Цветаевой. Ариадна Сергеевна прекрасно знала творчество матери, ведь она была для нее «первым поэтом» (и не только по счету, но и по значимости), обладала прекрасной памятью, разбиралась в тонкостях ее поэтического языка, особенностях стиля, психологии мастерства. Недаром мать назвала Ариадну своим «абсолютным читателем»¹⁰. «...Я читаю ее à livre ouvert (с листа – *фр.*), все тексты и подтексты, целый ряд “подтекстов” могу расшифровать только я...», «...я единственный живой свидетель тому, как создавались эти рукописи, тому, что послужило причиной их создания...»¹¹ – писала А.С. Эфрон.

Переданный в издательство Орловым состав сборника Анна Саакянц переслала Ариадне Сергеевне, которая обсуждала включение каждого стихотворения с особым пристрастием. Это была не просто механическая составительская работа. Она тщательно отбирала материал, изучая записные книжки матери, прижизненные издания, отыскивала варианты, требовала точного изложения фактов, соблюдения особенностей пунктуации, подчеркиваний, ударений...

«Перевес старых стихов над “новыми” в книге неизбежен, так как поздние стихи чрезвычайно сложны, а для первого сборника, долженствующего, как надеюсь, открыть дорогу последующим изданиям, очень важно быть “проходным” и хотя бы относительно легко читающимся», – убеждала она своего «соредактора».

В конце 1961 г. наконец-то свершилось то, чего так долго ждали... – выход сборника дочь поэта назвала «маминым днем». Книгу «Избранное» приветствовал Илья Эренбург, который высоко оценил труд Орлова по подготовке сборника, обратив особое внимание на «умное и

¹⁰ 4 июля 1918 г. Цветаева подарила дочери книгу «Волшебный фонарь», надписав ее: // Были мы – помни об этом // В будущем – верно лихом! // Я – твоим первым поэтом, // Ты – моим лучшим стихом. // А на книге «Мблodeц» проставила посвящение Але: «Моему абсолютному читателю. Чехия, Вшеноры, 7 мая 1925 г.» – и под нею сделала приписку-подтверждение спустя десять лет: «1925 г. – 1935 г. МЦ» (подчеркнуто). Цит. по: Саакянц А. «Все понять и за всех пережить!» / Российский дом культуры. Дом Марины Цветаевой. – М.: Изд-во «Гендальф», 1993. С. 69. // Ариадна Сергеевна часто повторяла фразу о том, что только она (и именно она) может воссоздать истинный образ матери, поняв ее «до конца», подготовить издание ее произведений в полной достоверности. Это не было самоуверенностью, самолюбованием, нескромностью, высокомерием. Дочь во многом права, ведь вся ее жизнь (за исключением небольшого отрезка лет) проходила рядом с матерью, которая делилась с ней замыслами своих произведений, читала ей, первой, свои стихи, а нередко и посвящала в тайны личной жизни. Так что Аля имела на такое утверждение полное право. Конечно, здесь есть и отголоски «священной ревности» дочери, как называла такое отношение А. С. Эфрон к матери А. А. Саакянц, создания дочерью своего образа Цветаевой. Примем это как данность.

¹¹ История жизни, история души. С. 184.

тактичное предисловие». Ариадна Сергеевна, несмотря на то что иногда поругивала Орлова (испытывала диктат «хозяина» издания), ревнует его к цветаевским текстам, благодарит Владимира Николаевича за издание: «...Я, конечно, рада буду его повидать, он много сделал для маминной книжки и многое принял близко к сердцу...» (16 мая 1961 г.).

Огромную роль сыграла, конечно, и рецензия на первый сборник Цветаевой в «Новом мире» (1962, № 1) Александра Трифоновича Твардовского. Он, непререкаемый авторитет в мире литературном, да и в общественной жизни тоже (член Центральной ревизионной комиссии КПСС, кандидат в члены ЦК КПСС), написал блистательную рецензию на книгу, открыв тем самым, думается, путь в дальнейшем для издания ее произведений. Твардовский отмечал:

«Издание “Избранного” Марины Цветаевой является подарком читателю-любителю поэзии. – Не следует, конечно, рассчитывать на читателя вообще, массового читателя в отношении этой книги – своеобразной и сильной, но не вдруг доступной. Но М. Цветаевой принадлежит в развитии русского стиха такая несомненная и значительная роль, что так или иначе с ее творчеством должен быть знаком всякий интересующийся поэзией человек. В книге много боли сердца, горестных раздумий, мучительных усилий выразить мир, представляющийся автору часто темным и жестоким (здесь – отражение особенностей его трудной судьбы), но в ней же столько ясной и жаркой любви к жизни, к поэзии, к России, и к России советской; столько ненависти к буржуазному миру “богатых” и пафоса антифашистской направленности». Отметил он и особенности поэтики Цветаевой: «Со стороны собственно стиха, слова, звука, интонации – это вообще редкое и удивительное явление русской поэзии. Затрудненная, местами как бы пунктирная, где заменой слов являются необыкновенно выразительные тире, стихотворная речь Цветаевой обладает чертами глубокой эмоциональной силы – она, как дыхание, прерывистое, неровное, но и живое, а не искусственное. Кстати, когда некоторые особенности стиха Цветаевой (рифмы, ритмы, звукопись) станут общим достоянием (Цветаева у нас не издавалась, кажется, с 1922 года), полезно будет уже и то, что откроется один из источников завлекающего простакта “новаторства” некоторых молодых поэтов наших дней. Окажется, что то, чем они щеголяют сегодня, уже давно есть, было на свете, и было в первый раз и много лучше. Статья В. Орлова хороша; в сущности, это почти первое наше слово о М. Цветаевой»¹². Позже, 19 февраля 1969 г., в дневниковых записях он также восторженно отзовется об эпистолярном наследии поэта: «Письма Цветаевой – чистое золото в поэтическом и этическом, в неразрывности этих смыслов. Я, что называется, “вскрикивал”, ...столько дорогого для меня (и как бы нового, но в чем-то смыкающегося с моими высшими “символами”) вплоть до откровений вроде гениального ответа на вопрос, почему мы рифмуем (“спросите народ, спросите ребенка”)».¹³

Первая книга Цветаевой мгновенно разошлась и вскоре стала библиографической редкостью. Так же быстро исчез с прилавков книжных магазинов и альманах «Тарусские страницы», который вышел в октябре 1961 г., почти одновременно с первой книгой Цветаевой, но не стал ей конкурентом, а лишь подогрел интерес к поэзии и поэту. В нем впервые была напечатана проза – очерк «Кирилловны» (название такое очерк «Хлыстовки» получил из-за цензурных соображений) – и опубликованы 42 стихотворения Цветаевой с предисловием Вячеслава Иванова. Этот «крамольный» альманах, в который по замыслу создателей должны были входить произведения, отвергнутые центральными журналами и издательствами, был выпущен Калужским книжным издательством тиражом 31 000 экземпляров (хотя предполагаемый тираж определялся в 75 000 экз.). Официальный составитель – писатель и драматург Николай Давидович Оттен (Поташинский). В подготовке книги самое деятельное участие приняли Константин Паустовский, поэт, журналист, редактор издательства Николай Васильевич Панченко,

¹² Новый мир. 1962. № 1. С. 281.

¹³ <https://lit.ukrtvory.ru/marina-cvetaeva-mandelstam-i-tvardovskij/>

писатель Владимир Николаевич Кобликов и поэт, художник Аркадий Акимович Штейнберг. В альманахе публиковались поэты и писатели, имена которых спустя всего лишь несколько лет станут широко известными в стране: Наум Коржавин (первая публикация после ссылки), Николай Заболоцкий, Борис Слуцкий, Давид Самойлов, Евгений Винокуров, Владимир Корнилов, Булат Окуджава, Борис Балтер, Владимир Максимов, Надежда Мандельштам (под псевдонимом Н. Яковлева), Юрий Казаков, – и другие представители литературы, не пользовавшиеся благорасположением власти. Альманах вышел с разрешения секретаря обкома по идеологии Алексея Сургакова без предварительной цензуры в Москве. Хотя сборник был вполне лояльным и не содержал критики в адрес существующего строя, ЦК КПСС распорядился издание остановить. Главный редактор издательства А. Сладков был уволен, директор Р. Левита получил строгий выговор. А. Сургакову, который разрешил выход издания в обход цензуры, поставили на вид. Выпуск тиража был остановлен, уже выпущенные экземпляры изъяты из библиотек. Последующие выпуски альманаха (планировалось выпускать по одному в 2–3 года) не состоялись.

Ариадна Сергеевна высоко оценила выход альманаха как знаменательное событие в литературном мире, но «маминым разделом» была недовольна: «...составлено как Бог на душу положил Оттену (он нарушил хронологию стихотворений, допустил опечатки, сознательно переименовав Цветаеву. – Т.Г.), – на этот раз он, Господь т. е., не очень-то расщедрился, хоть и много стихов, но пестро, случайно, нестройно», – сокрушалась она¹⁴.

Вскоре В.Н. Орлов подал заявку на следующее издание – «Избранные произведения» в Большой серии «Библиотека поэта», которая была принята. Орлов осуществлял общее руководство, как редактор серии. Он же написал большую, серьезную вступительную статью «Марина Цветаева. Судьба. Характер. Поэзия» о творчестве и жизненном пути Цветаевой. А составителями и авторами комментариев уже официально были А.С. Эфрон и А.А. Саакянц. В книгу вошли 391 стихотворение (включая циклы), семь поэм и три пьесы. В отдельный раздел были выделены «Варианты».

Как и в первой книге, здесь тексты сверялись весьма тщательно по цветаевским беловым тетрадам (причем дважды – в рукописи и в верстке), вспоминала А. Саакянц, или по прижизненным изданиям, которые удавалось достать. Ариадна Сергеевна требовала достоверности в проверке дат и событий (так, она писала своему соредактору, чтобы были указаны уточненные даты вторжения фашистов в Чехию в 1939 г., просила подробнее описать челюскинскую эпопею, рассказать о нем самом и т. д.). Она считала, что комментарии должны быть по возможности (требования издательства ограничивали их объем) полными, чтобы современники и соотечественники, мало знавшие и Цветаеву, и время, которое отстояло для них уже более чем на полвека, были им понятны. Возражала против включения в сборник ранних, по ее мнению, не очень сильных стихов.

Обо всем этом подробно рассказано в письмах, представленных в настоящей книге. Работа «соавторов» была очень интересной и ответственной, о том повествуют почти еженедельные, а иногда и ежедневные, письма Ариадны Сергеевны (она в основном жила в Тарусе, наездами бывая в Москве). Надо было, с одной стороны, включить в книгу «проходные» (с точки зрения цензуры) стихотворения Цветаевой (помятуя о горьком опыте, так и не вышедшего издания), с другой – представить Цветаеву во всем многообразии ее таланта во все периоды ее творчества, но не злоупотреблять слишком сложными текстами, опасаясь, что читатель еще не подготовлен к их пониманию. Работа распределялась так: составляли план книги, потом обсуждали его, выбирали стихи. Анна Александровна отыскивала в библиотеках необходимые для комментариев сведения (нередко и переписывала в спецхране Библиотеки им В.И. Ленина произведения Цветаевой из разных печатных источников), Ариадна Сергеевна

¹⁴ История жизни, история души. Т. 2. С. 132.

работала с архивом матери: делала выписки – варианты, начерно составляла комментарии, которые потом Анна Александровна приводила в окончательный вид. Включались в состав книги и стихотворения малоизвестные, найденные в цветаевских тетрадах. Орлов, как руководитель серии, нередко настаивал на включении или исключении того или иного стихотворения. Тогда из Тарусы и Москвы к нему летели письма, в которых «соавторы» отстаивали свою точку зрения, обязательно аргументировав ее. Книга «Избранные произведения» (38 авторских листов, вклейка с фотографиями и портретами Цветаевой, в переплете, тиражом 40 000 экземпляров) была подписана в печать 13 ноября 1965 г. «Вчера была телеграмма от Владимира Николаевича о том, что книга вышла, – сообщала Ариадна Сергеевна Анне Саакянц 9 декабря 1965 г. – Самое удивительное, что я до сих пор еще как следует не прочувствовала и как следует не обрадовалась – может быть, потому, что мы с Вами столько над ней (книгой) работали и так сильно ее ждали? Но, конечно, просто счастлива, что свершилось чудо».

Конечно, всем процессом возвращения имени матери на родину руководила Ариадна Сергеевна. Она создала в Тарусе своего рода «штаб», из которого летели ее поручения, касающиеся состава книги, создания Комиссии по литературному наследию Марины Цветаевой, по организации вечера ее памяти в Центральном доме литераторов, наставления об отношении к Владимиру Сосинскому и Вадиму Морковину и т. д. За четыре с половиной года, с 1961 по 1965-й, Ариадна Сергеевна сумела сделать почти невозможное: Цветаева стала не только известным, но и, пожалуй, самым читаемым, любимым поэтом советской публики.

Дочь собрала все, что было доступно, и для архива Цветаевой, причем искала материалы Ариадна Сергеевна не только в стране, но и получала их из-за рубежа. Например, ее корреспондентка из США Екатерина Исааковна Еленева (Альтшуллер) прислала ей на протяжении 15 лет фото и ксерокопии прижизненных публикаций Цветаевой, Саломея Николаевна Андроникова-Гальперн передала в Москву 125 цветаевских писем, адресованных ей, Константин Болеславович Родзевич тоже отдал Ариадне цветаевские письма к нему, книги и фотографии с ее дарственными надписями и т. д. Много получала А. Эфрон от Александры Захаровны Туржанской, жившей во Франции (она собирала цветаевские материалы у эмигрантов, а потом с оказией переправляла их в СССР). Валентин Федорович Булгаков, последний секретарь Л.Н. Толстого, вернувшийся в 1948 г. в СССР, отдал Ариадне Сергеевне музейные вещи, в том числе ручку Цветаевой и перстень-печатку, Надежда Васильевна Крандиевская подарила Ариадне Сергеевне свой коктебельский рисунок 1911 г., изображавший юных Марину Цветаеву и Сергея Эфрона с сердцами, пронзенными стрелой Амура. Были и другие поступления от людей, знавших Цветаеву¹⁵.

Ариадна Сергеевна ревностно, с душевной болью относилась к тем, кто, по ее мнению, «присваивал» чужие письма, разбазаривал их, считая своей собственностью. Отсюда ее неприязненное отношение к В.В. Сосинскому, который подарил что-то из цветаевского Анне Ахматовой, а свой архив (он привез более 100 писем, рукописей, фотографий М. Цветаевой, а также А. Ремизова, М. Осоргина и других своих парижских друзей), не показав Ариадне Сергеевне, передал в хранилище. Он же вскрыл пакет от К.Б. Родзевича, предназначенный для дочери поэта, и без ее разрешения кое-что переснял. То же касается и Анастасии Ивановны, которая, по небрежности, позволила, чтобы за границу попали копии некоторых материалов сестры (в 1971 г. они появились в парижском «Вестнике РСХД»), а потом, в 1973 г. А. Эфрон были опубликованы в Париже в книге «Марина Цветаева. Неизданные письма». Особенно ненавистен был Вадим Морковин (помнила его еще по школе в Моравской Тршебове, где они учи-

¹⁵ Подробнее см.: Коркина Е. Архивный монастырь. Археография. История. Текстология. – М.: Дом-музей Марины Цветаевой, 2007. С. 22–23.

лись в одно и то же время), обладающий письмами Цветаевой к чешской подруге матери Анне Тесковой. Он обещал прислать А. Эфрон фотокопии писем, но всячески оттягивал момент их передачи. В результате в 1969 г. Морковин издал в Праге книгу «Письма к Анне Тесковой», в которой было опубликовано 122 письма (из 138) под его редакцией. К чести В. Морковина, надо сказать, сделал он это очень деликатно, купировав те места в письмах, которые содержали некоторые неоднозначные эпизоды из жизни семьи Цветаевой, в том числе касающиеся Сергея Яковлевича и самой Ариадны. Но А. Эфрон считала, что произведения Марины Цветаевой принадлежат России, и только России, и негодовала, когда цветаевские материалы попадали в чужие руки и издавались где-либо за ее рубежами.

Вдохновительницей создания Комиссии по литературному наследию Марины Цветаевой тоже была дочь поэта. За состав этой комиссии Ариадна Сергеевна билась, что называется, насмерть: она считала, что в нее должны входить те, кто может быть полезен Цветаевой, а не те, кому она, Цветаева, может быть полезна. Дочь поэта не могла допустить, чтобы в комиссию входили люди случайные, поэтому так упорно, проявляя свои «дипломатические» способности, добивалась, чтобы, например, Н.Д. Оттен не стал членом этой комиссии, категорически возражала против включения в ее состав В.В. Морковина. Она же настояла, чтобы секретарем комиссии была Анна Саакянц. Комиссия по литературному наследию Марины Цветаевой была создана В.Н. Орловым в конце 1961 г. В ее первый состав входили К.Г. Паустовский, И.Г. Эренбург, А.Н. Макаров, А.С. Эфрон, А.А. Саакянц, чуть позже к ним присоединилась М.И. Алигер. После смерти в 1967 г. Эренбурга и Макарова, в 1968 г. – Паустовского неоднократно обсуждался вопрос об обновлении состава комиссии, однако заново она была сформирована только в марте 1973 г.

А. Эфрон горячо поддержала и проведение вечера памяти Марины Цветаевой: «...не просто “хорошо бы”, а нужно, чтобы состоялся вечер памяти Марины Цветаевой в Доме литераторов», – настаивала она, рекомендовала состав выступающих (Илья Эренбург, Павел Антокольский, Генрих Нейгауз, Дмитрий Журавлев и др.). Но первый вечер, посвященный 70-летию со дня рождения Цветаевой, провел 25 октября 1962 г. Литературный музей. О нем она сообщала В.Н. Орлову: «...всё прошло без малейшей “ажиотации”, никто стульев не ломал и стекол не бил, и хотя зал вместил вдвое больше положенного, было очень спокойно, пристойно – как надо. Устроители сумели правильно распределить билеты и, главное, подготовили вечер без излишней рекламы и болтовни, многие “сенсационеры” узнали о нем лишь на следующий день после того, как он состоялся. Была неплохая (небольшая) экспозиция книг, фотографий, на диво удачный портрет...; выступали Эренбург, Слуцкий, Ев. Тагер; первые два, по-моему, хорошо (Эр<енбург>, правда, перепевал опубликованное, т. ч. ничего нового не сказал – но сам был насквозь мил и *добр*, что не часто увидишь!). Тагер же развел молочные реки, кисельные берега – я держала себя обеими руками за шиворот, чтобы усидеть, и *бесилась* – дура неизбежная! Потом было “художественное” чтение маминых стихов, и опять же я, вместо того чтобы испытывать благостные чувства, начала медленно и верно взрываться. К счастью, взрывалась в фойе, хоть ни у кого не на глазах. Понимаете, разумом ценю первую попытку Цветаевой “вслух” и отдаю должное терпению, любви и мужеству устроителей, а сердце требует совсем, совсем иного для памяти мамы. *Настоящего* – не только по замыслу, но и по осуществлению»¹⁶.

На второй вечер, официальный, разрешенный секретариатом Союза писателей, состоявшийся в Центральном доме литераторов 26 декабря 1962 г. (его, правда, не раз переносили, и, вообще, речь шла о том, состоится ли он), Ариадна Сергеевна не пошла, сославшись на болезнь, а на самом деле, видимо, боясь услышать что-нибудь фальшивое «в потоке приветствий» (см. ее впечатления от вечера в Литературном музее) либо опасаясь какого-либо

¹⁶ История жизни, история души. Т. 2. С. 168.

инцидента. Но все прошло благополучно. Было много выступивших. Потом она благодарила П. Антокольского: «Все в восторге от Вашего и Эренбургова выступления. “Восторг” не то слово – люди плакали»¹⁷.

Письма Ариадны Сергеевны читаются с большим интересом. По сути, они представляют собой либо попытки литературоведческих изысканий (хотя текстологом она не была), либо мини-очерки со сценками из жизни обитателей Тарусы, часто ироничные. Надо сказать, что и себя Ариадна Сергеевна не щадила: относилась к собственной персоне с юмором, часто даже с сарказмом, как правило, была недовольна собой. Она, за плечами которой был большой, многотрудный, полный страданий и жизненных потерь, путь, не любила неискренности, показной «светскости», поэтому избегала некоторых тарусских так называемых «салонов», где все подчинено моде. Так, она не посещала «салон» Н.Я. Мандельштам, перестала бывать и у Оттенков, с которыми, впрочем, поддерживала дружеские отношения. Возможно, не во всем и не всегда Ариадна Сергеевна была права. Иногда она ворчала, без веских оснований, в сердцах, могла высказаться весьма резко и обидно. Но это, как правило, были всего лишь взрывы эмоций, не сказывающиеся на ее отношении к людям, сиюминутные порывы ее нелегкого характера. Как подтверждение этому, вспоминается случай с Семеном Островским, студентом-филологом Киевского университета, который по собственной инициативе и, главное, без согласования с Ариадной Сергеевной установил памятный камень на месте, «где хотела бы лежать» Марина Цветаева. Узнав об этом, А.С. Эфрон (она и А.А. Шкодина отдыхали в Латвии) дала срочную телеграмму в Тарусу с требованием убрать злополучный камень. А потом жалела о своем скоропалительном решении: «...Островский чудесный мальчик, вполне, весь, с головы до ног входящий в цветаевскую формулу “любовь есть действие”, мне думается, что, когда соберем мнения всех членов комиссии по поводу его великолепной романтической затеи, надо будет написать ему от имени комиссии премудрое письмо, т. е. суметь и осудить необдуманность затеи, и... поблагодарить его за нее. Мальчишка совершенно нищий, в обтрепанных штанцах, всё сделал сам, голыми руками, – на стипендию – да тут не в деньгах дело! – писала она В.Н. Орлову 15 августа 1962 г. – Сумел убедить исполком, сумел от директора каменоломни получить глыбу и транспорт, нашел каменотесов – всё в течение недели, под проливным дождем, движимый единственным стремлением выполнить волю... И мне, дочери, пришлось бороться с ним и побороть его. Всё это ужасно. Трудно рассудку перебарывать душу...»¹⁸.

Ариадна Сергеевна любила Тарусу и большую часть года жила там вместе со своей подругой Адой Александровной Шкодиной и любимой кошкой Шушкой, о которой восторженно писала почти в каждом письме. В фокусе ее восприятия также всегда обожаемая ею Таруса. Впечатления от ее красот часто становятся предметом описаний в посланиях к Анне Саакянц. Дом ее всегда открыт для друзей. Она приглашала к себе молодежь: Анну Саакянц, Елену Коркину, Ирину Емельянову, Инну Малинкович с подругой. Бывали у нее и Вероника Швейцер, и Юлия Живова, и Владимир Сосинский с семьей, и Анастасия Ивановна Цветаева с внучкой Ритой, и многие-многие другие – «родственники и не-родственники, знакомые свои и знакомые своих знакомых», школьники и студенты, интересующиеся творчеством Марины Цветаевой. Она притягивала к себе людей. Об этом сохранилось и свидетельство ее тарусской соседки Татьяны Щербаковой: «Приветливая, обаятельная, иногда загадочная, закрытая, постоянно занятая работой. <...> Она легко завоевывала симпатии и желание общаться самых разных людей – будь то знаменитый скульптор Бондаренко или девушка-почтальон, приносившая ей многочисленную корреспонденцию. <...> Она была очень сильным человеком. Удивительное

¹⁷ История жизни, история души. Т. 2. С. 161.

¹⁸ История жизни, история души. Т. 2. С. 158.

дело: жизненные трудности не убавляли ее способности радоваться, шутить, помнить хорошее...»¹⁹

А. Эфрон была в курсе литературных дел, следила за публикациями в толстых журналах, газетах, за появлением новых изданий. Ею велась и обширная переписка с писателями (П.Г. Антокольским, Э.Г. Казакевичем, И.Г. Эренбургом и др.), поэтому в письмах представлен и литературный фон «оттепельных» времен. Так, она тяжело переживала события с Пастернаком, возмущалась «Новым миром», отказавшимся печатать «Синюю тетрадь» Казакевича, осудила высокомерное и развязное отношение того же журнала к Паустовскому и отказ публиковать его повесть «Время больших ожиданий», высказала свое мнение о произведениях авторов «Тарусских страниц» (Казакова, Корнилова и т. д.). Даже с А.И. Солженицыным «обменялась нотами», как она писала, по поводу «штанов Ивана Денисовича» (с ее точки зрения, там были неточности описания лагерной жизни) и т. д.

Восхищает эрудиция Ариадны Сергеевны. Прекрасное знание литературы отражено в ее письмах образными выражениями, цитатами из русской и зарубежной классики, Библии, фольклора. Она часто дает своему «соредактору» точный адрес источника, где можно найти сведения для комментирования той или иной строки произведения Цветаевой.

Ариадна Эфрон часто делает отсылки к героям цветаевских произведений и реальным лицам, встречавшимся в жизни матери. Например, она вспоминает о первой неудачной попытке знакомства Марины с князем Сергеем Волконским, рассказывает о переписанной ею «одним махом» поэме «С моря», подаренной Владимиру Сосинскому «за действенность и неутомимость в дружбе» (он вызвал на дуэль Юрия Терапиано, защищавшего Владимира Злобина, который в непозволительном тоне высказался о цветаевской «Поэме Горы»), уточняет, сколько раз Цветаева встречалась с Александром Блоком, упоминает письмо (то самое – о «предках») Веры Меркурьевой, на которое Цветаева дала яростную отповедь. И многое другое.

Ариадна Сергеевна никогда не стремилась стать знаменитой за счет матери, не нажила себе богатств на цветаевском наследии (а по сути, наследстве). Она не покупала шуб и драгоценностей. «И то, что я делаю, я делаю не для себя <...>, на этом я не зарабатываю ни славы, ни денег, ибо делаю это для всех и для будущего; и делаю это в память и во славу мамы, и как искупление всех своих дочерних промахов и невниманий, хотя, по правде, не была я уж такой плохой дочерью; просто в какие-то недолгие годы юности была недостаточно взрослая, чтобы понимать; а любить – всегда умела»²⁰. А. Эфрон отдала в Архив (ЦГАЛИ) все материалы М.И. Цветаевой бескорыстно, хотя многие подбивали ее продать их. На жизнь она зарабатывала многочисленными переводами (в декабря 1962 г. ее приняли членом в секцию переводчиков СП СССР), часто изнурительными, ухудшающими ее и без того подорванное здоровье. На кооперативную квартиру первый взнос ей помогли собрать друзья, а кроме того, она взяла в Литфонде ссуду – возвратную, – которую выплачивала из своих гонораров за переведенных французов, вьетнамцев, испанцев и многочисленных представителей других стран и народов.

Долг свой перед матерью дочь выполнила сторицей, и не только перед матерью, но и перед русским читателем (по сути, Ариадна Сергеевна совершила гражданский подвиг). Она сделала всё, чтобы вернуть имя крупнейшего поэта современности Марины Цветаевой великой русской литературе.

Татьяна Горькова

¹⁹ <http://www.radnews.ru>

²⁰ История жизни, история души. С. 184–195.

Письма

1961

1

9 января 1961 г.

Милая Анна Александровна, рада была получить Вашу весточку, так как сама я долго еще не раскачалась бы. Рада, что Вы – «со»-редактор²¹.

Перевес «старых» стихов над «новыми» в книге неизбежен, так как поздние стихи необычайно сложны, а для первого сборника²², долженствующего, как я надеюсь, открыть дорогу последующим изданиям, очень важно быть «проходимыми» и хотя бы относительно легко читающимся. Но, на мой взгляд, Орлов²³ (знающий и любящий Цветаеву), включил ряд слабых стихов, которые, по-моему, опять-таки в первую книгу никак нельзя включать. Это № 4 – «Генералам 12 года»²⁴ и 6 – «С большой нежностью» (из неизданного сборника «Юношеские стихи»), стихи из цикла «Комедьянт», стихи из цикла «Дон-Жуан» (тут, т. е. в цикле «Дон-Жуан»²⁵ плохо подобраны стихотворения, их надо заменить лучшими из того же цикла). Кроме того, по соображениям, так сказать, политического характера, по-моему, нельзя включать стихи из «Лебединого Стана» – это цикл контрреволюционных стихов, который мама, именно из-за политической его окраски, никогда при жизни не издавала. В 1958 г. эта книжечка вышла в Мюнхене с соответствующим предисловием²⁶. В орловском списке стихи за

²¹ «...В конце... шестидесятого года Владимир Николаевич Орлов... взялся составить небольшую книжку стихотворных произведений Цветаевой... он подал заявку в Гослит. Я узнала об этом и добилась, чтобы меня назначили “соредактором” книжки – всего-то восемь авторских листов...», – вспоминала А. А. Саакянц (С98. С. 11).

²² Речь идет о книге «Избранное» (М.: Гос. изд-во художественной литературы, 1961), над которой началась работа.

²³ Владимир Николаевич Орлов (наст. фам. Шапиро; 1908–1985) – литературовед, главный редактор (1956–1970) серии книг «Библиотека поэта». Автор многочисленных работ по истории русской литературы, а также ряда статей в периодической печати. Написал биографическую книгу об А. А. Блоке «Гамаюн» (1947).

²⁴ «...Орлов предложил много ранних, не очень сильных стихов, – например, “Генералам 12 года” – с ужасающей Ариадну Сергеевну рифмой: “вчера” – “офицера” (четвертая строфа. – Т.Г.) <...> Орлова, однако, переубедить не удалось, и в книжку попали не самые лучшие стихи» (С88. С. 12). Стихотворение вошло в *И61* под названием «Героям Двенадцатого года», посвящено Сергею Эфрону. Историю его создания см. в письме 11 от 29 марта 1961 г. В первоначальном варианте стихотворение начиналось строфой, впоследствии опущенной: «Одна улыбка на портрете, / Одно движение головы, – / И чувствуется в целом свете / Герои – вы» (СС1. С. 598). При жизни Цветаевой стихотворение не печаталось.

²⁵ Стихотворение «С большой нежностью – потому...» (22 сентября 1915) включено в *И61*, из цикла «Дон Жуан» в книгу вошли «На заре морозной...» (19 февраля 1917), «Долго на заре туманной...» (19 февраля 1917), «И была у Дон-Жуана шпага» (май 1917, сборник «Психея», 1923).

²⁶ Сборник «Лебединый стан». Стихи 1917–1921 гг. / Подгот. к печати Г. П. Струве. Вступ. ст. Ю. П. Иваска. – Мюнхен, 1957. Ариадна Сергеевна, узнав о выходе этого издания, возмущенно писала И. Г. Эренбургу 3 июля 1958 г.: «...На каком основании университет поручил или разрешил обнародование “Лебединого стана” именно г. Иваску, проявившему поразительную наглость и развязность в выборе выдержек из маминых писем, опубликованных в гарвардском “Русском Архиве”, и поразительное невежество в своих к ним комментариях?» (опубл. в кн.: *Фрезинский Б.Я.* Я слышу все... Почта Ильи Эренбурга. 1916–1967. М.: Аграф, 2004; печ. по фотокопии рукописного оригинала из *Архива Л. А. Мицкина*). В том же письме она рассказала Эренбургу, что обратилась в ЦК КПСС за советом, как ей реагировать на выход этой книжки, изданной без ее разрешения за рубежом, и как отреагировал главный партийный орган страны: «ЦК ответил!.. по прямому проводу в Тарусу, через ошеломленного секретаря райкома, что помещать письмо протеста в газету считают нецелесообразным, т. к. это придаст слишком большое значение выходу этой книги там». У Ариадны Сергеевны на момент написания письма еще не было упомянутого сборника, и она не читала статью Ю. П. Иваска. Может быть, ознакомившись с тем, что написал давний друг, доброжелательный критик Цветаевой, о ней, она бы изменила свое мнение: «Благородная, страстная и горестная Цветаева – поэт хвалы и хулы – всегда на стороне побежденных. Победители, пусть они даже освободители, ей чужды». Опасения А. С. Эфрон были связаны с недавним инцидентом с Б. Л. Пастернаком (выходом книги «Доктор Живаго» в итальянском

№ 73, 91, 92 из «Лебединого стана», может быть, есть еще, сейчас не помню. Стих 113 посвящен Пастернаку²⁷ – хоть он, кажется, «реабилитируется», но тем не менее: стих *без* Пастернака – сомнителен и непонятен, с Пастернаком (т. е. с комментариями, вскрывающими подтекст) – нужен ли *сейчас*, в первой книге? Может быть, достаточно «Русской ржи...»²⁸ Непонятно, почему нет «Офелии», «Диалога Гамлета с совестью», великолепного «Рыцаря на мосту...»²⁹

Стих № 77 надо, никому не рассказывая, изъять («Яблоко, протянутое Еве...»), т. к. это ...Наталья Крандиевская! (Кстати, знаете ли Вы ее стихи? есть прекрасные среди них.)³⁰

По последним стихам еще раз «пройдемся» с Вами, может быть, еще что-нибудь подберем – но в последние годы стихов (лирики) было гораздо меньше, чем в юности, т. к. писались большие вещи – поэмы, пьесы, много прозы, а из того, что есть – прекрасного – для такой книжечки очень трудно что-нибудь подыскать. То «поэтически» трудные стихи, то «политически»... А хочется, чтобы эта книжка открыла семафор для тома «Библиотеки поэта», который запланирован³¹ и в который может войти много сложного – и должно.

В Москву я собираюсь, чтобы повидаться с Орловым (он должен на днях приехать) по поводу всяких дат и разночтений в стихах, буду Вам звонить и надеюсь – повидаемся, несмотря на то, что буду в Москве не больше 2-х дней – ужасно запаздываю с работой и запаздывать буду до самого мая, когда сдам. Очень неудачно, что моя спешка совпадает с «переподготовкой» маминой книжки. Кто делает комментарии? Прежние не годятся! Всего доброго!

Ваша А.Э.

2

14 февраля 1961 г.

Милая Анна Александровна, получила телеграмму от Орлова, где он просит уточнить даты 4-х ранних стихотворений, что я сейчас (здесь) сделать не могу, т. к. этих материалов

издательстве. См. следующий комментарий).

²⁷ Речь идет о скандале с романом Б. Л. Пастернака «Доктор Живаго», который он передал для публикации итальянскому издателю Дж. Фельтринелли. В 1957 г. «Доктор Живаго» вышел на итальянском языке, затем появляются французский и английский переводы. В 1958 г. за это издание Пастернаку присуждается Нобелевская премия по литературе «за выдающиеся заслуги в современной лирической поэзии и в области великой русской прозы». В СССР издание своих произведений за рубежом без одобрения партийных органов не приветствовалось. У Ариадны Сергеевны оснований для опасений было достаточно. Она хорошо знала Пастернака, часто встречалась с ним в эти самые дни трави.

²⁸ Стихотворение «Русской ржи от меня поклон...» (7 мая 1925) вошло в *И61*.

²⁹ Стихотворения: «Офелия» (у Цветаевой два стихотворения, обращенных к Офелии: «Офелия – Гамлету» и «Офелия – в защиту королевы», какое из них имела в виду А. С. Эфрон, неизвестно, может быть – оба?) и «Диалог Гамлета с совестью» в книгу не вошли, «Правский рыцарь» включен в *И61* под названием «Рыцарь на мосту» под № 99.

³⁰ Наталья Васильевна Крандиевская-Толстая (урожд. Крандиевская, в первом браке Волькенштейн; 1888–1963, во втором с 1915 г. – Крандиевская-Толстая) – поэтесса, писательница, мемуаристка. С Натальей и Надеждой Крандиевскими Цветаева познакомилась, видимо, в июле 1912 г., когда семья снимала дачу у М. А. Самариной в деревне Иваново, где жила семья Крандиевских с дочерьми. В 1915 г. они встретились в Коктебеле у Волошина, входили в одну дружескую компанию. Там Наталья отдыхала с мужем, присяжным поверенным Федором Акимовичем Волькенштейном (1874–1937). Известно, что Туся, так звали Крандиевскую в кругу друзей, посвятила стихотворение Е. Я. Эфрон (Лиле) в марте 1913 г. (см.: *Семья*. С. 45). Сборники ее стихов выходили в начале века трижды (1913, 1919, 1922). Кроме того, она писала стихи для детей: «Гришкины путешествия. Африка. Веселые приключения» (1922), «Книжка про веселое житишко» (1922), «Звериная почта» (1925). Со вторым мужем А. Н. Толстым она жила в эмиграции. После ухода его из семьи Крандиевская вновь обратилась к творчеству (посмертные сборники «Вечерний свет» (1972) и «Дорога» (1985 г.); мемуарная проза «Воспоминания» (1977). В 1941 г. оказалась в блокадном Ленинграде. Написала книгу блокадной лирики. Прототип Кати Булавиной в трилогии А. Толстого «Хожение по мукам». Стихотворение было написано в июле 1921 г., опубликовано в парижских «Современных записках» (1921. Кн. VII): // Яблоко, протянутое Еве, // Было вкуса – меди, соли, желчи, // Запаха – земли и диких плевел. // Цвета – бузины и ягод волчьих. // Яд слюною пенной и зловонной // Рот обжог праматери, и новью // Побежал по жилам воспаленным, // И в обиде Божьей назван – кровью.

³¹ Том избранных произведений из серии «Библиотека поэта» (вступ. статья Вл. Орлова. Сост., подгот. текста и примеч. А. Эфрон и А. Саакянц. М.; Л.: Сов. писатель, 1965).

у меня в Тарусе нет. Он будет в Москве после 20-го, о приезде мне сообщит, приеду и я, и, думаю, нам будет полезно встретиться втроем. Буду Вам звонить – к сожалению, у меня только Ваш служебный телефон.

Мне же звонить некуда, т. к. там, где «мой» телефон, меня нет, а там, где я (буду), телефона нет. В общем, разберемся как-нибудь. Меня, так же, как и Вас, несколько смущает тяготение Орлова к пополнению сборника *наислабейшими* из ранних стихов и даже некоторая, не только поэтическая, но и политическая неразборчивость, чего именно сейчас и именно в этой, первой, книжке, по-моему, никак нельзя допускать. Так что надо будет нам самим тщательно еще раз проверить состав, прежде чем это сделают другие.

Если Орлов привезет свой вариант сборника (или, может быть, пришлет его в издательство раньше?), я сличу весь состав с имеющимися у меня наиболее поздними рукописными текстами (1939 г.) – проверю даты и разночтения. Позже мне это сделать будет куда труднее, т. к. я завалена работой до середины мая.

Всего Вам доброго!

Ваша А.Э.

3

20 февраля 1961 г

Милая Анна Александровна! Вы меня ужасно смутили, я ведь насчет стихов 73, 91, 92 говорила по памяти (они в материнском перечне «Лебединого Стана»), а вдруг их в вышедшем сборнике нет, и я даром смутила Орлова, который их уже высадил из состава? «Лебединого Стана» у меня здесь нет, как и вообще ничего архивного, и свои «реплики с места» я подаю только на основании памяти – боюсь, что она уже (в некоторых случаях) молью побита, т. е. дырявая! Ну ничего, не велика беда, если, по *счастью*, состав мюнхенского сборника расхожится с маминым перечнем, то «сунем» обратно. – Орлов даже «Тебе через сто лет»³² не знает, поместил произвольно. Запрашивал меня относительно этой даты и некоторых других, но я решила сверить *все даты* его сборника сразу, в Москве, тут у меня есть данные только до первой половины 1917 г.

Так же, как и Вы, я *против* усугубления темы смерти³³, не только потому, что за это книжка уже была (несправедливо) бита, но хочется *первую* книжку, выходящую после такого

³² «Тебе через сто лет...» (1919) – стихотворение вошло в *ИБЛ*. При жизни Цветаевой опубликовано в журнале «Современные записки» (Париж. 1921. № 7).

³³ А. С. Эфрон говорит здесь об издевательской статье критика, корреспондента газеты «Правда», фельетониста журнала «Крокодил» Ивана Афанасьевича Рябова (1902–1958). В № 5 журнала он опубликовал фельетон «Про смертяшкиных», в котором в резкой форме подверг осмеянию и Цветаеву, и Эренбурга за статью о ней: «Длительное пребывание в белой эмиграции – это такое обстоятельство, которое трудно не учитывать даже в поминальной речи. Эмигрантами в свое время были А. Н. Толстой, Скиталец, А. И. Куприн, на чужбине умерли Л. Н. Андреев, И. А. Бунин. Печальные факты их биографии, но, невзирая на это, они остаются в русской литературе как ее талантливые деятели. Цветаева не без поэтического дара, но место ее на русском Парнасе весьма скромное...». Далее Рябов цитирует фразу из статьи И. Эренбурга: «Будучи часто не в ладах с веком, Марина Цветаева много сделала для того, чтобы художественно осмыслить и выразить чувства своих современников. Ее поэзия – поэзия открытий», – и комментирует ее: «Да будет позволено нам не согласиться с этим категорическим утверждением. Певцы “всяческой мертвечины” и певцы “всяческой жизни” (слова Маяковского) были до Цветаевой. Не ей принадлежит приоритет в старом литературном флирте с безглазой старухой... За сие занятие во время оно Сологуб получил от Горького кличку “Смертяшкин”. Цветаева повторяет зады Смертяшкина». Приводя строки из стихотворения Цветаевой «Что же мне делать, слепцу и пасынку...», Рябов безапелляционно советует автору: «Если поэтессе нечего делать в живом мире, то остается ретироваться из него...» (см.: *Мицхин Л.* «Дело: Марина Цветаева 1956 года (Неизданная)» / Марина Цветаева в XXI в. // XIII и XIV Цветаевские чтения в Болшеве. Сб. докл. – М.: Возвращение; Музей М. И. Цветаевой в Болшеве, 2003. С. 255, 256). В книге «Русские сказки» (1912–1917) М. Горький поместил сказку о Смертяшкине (№ 3, напечатана в газете «Русское слово». 1912. № 290, 16 дек.), в которой он пародирует художественную манеру воспевателей вечности и смерти. Однако сказка о Смертяшкине продиктована не сатирой на какие-либо конкретные лица, а стремлением дать отповедь тем, «кто любит плясать на могилах». Тем не менее Федор Сологуб узнал в сказке себя, хотя Горький с ним не согласился,

огромного перерыва, не выпускать именно под *этим* флагом. – Особенно «С большой нежностью потому...» – не из сильнейших, даже и вообще слабовато для *избранного*. Название обязывает. А уж «Офицерам 12 года», на котором Орлов *настаивает* после всех моих возражений, – совсем слабо – мило, по-детски, но опять-таки не для *избранного*. Нельзя же давать такое балетное решение темы в такой книге... Вообще очень настораживает пристрастие Орлова к слабым стихам («Дон-Жуан», например – весь цикл я ему и не посылала; но из имеющихся у Орлова он сумел поместить в сборник 2 слабых стиха, а единственное хорошее из этого цикла... «И была у Дон-Жуана шпага...»³⁴ оставил за бортом). Стихи он понимает и любит, но *вкус* сомнительный, увы, дамский вкус!

Постараемся встретиться и в розницу, и оптом, если же почему-либо в розницу сейчас не удастся, то убеждена в единстве нашего с Вами отношения к сборнику.

Если Орлов не вызовет меня раньше конца месяца, т. е. не сумеет приехать в Москву, то я так или иначе приеду в самых первых числах месяца (марта!), т. к. голосовать должна по месту прописки. Дам Вам знать о себе в любом случае – т. е. когда бы ни приехала. «Лебединый Стан» покажу, конечно, да и еще кое-что. А Вы пока подготовьте свои замечания по сборнику, если Орлов Вам его уже доставил. И добавления, которые рекомендуете.

Итак, надеюсь, до скорого свидания.

Всего Вам доброго!

Ваша А.Э.

Конечно, «Кавалер де Гриз»³⁵ надо бы включить – и «Роландов Рог»³⁶ замечательно. А «Переулочки»³⁷ – не сложны ли для первой книжки?

4

23 февраля 1961 г.

Милая Анна Александровна, судя по письму Орлова, который задерживается, возможно, и не удастся с ним встретиться – тем пристальнее нужно встретиться нам с Вами. Я очень прошу Вас договориться с Н. Н. Акоповой³⁸ о том, чтобы Вы проработали со мной не менее двух полных рабочих дней, конечно, не в редакции, а у меня. Приготовьте и свое «наличие» – что у Вас есть из *поздних* стихов, и сам сборник, если Орлов его прислал. Буду Вам звонить, верно, 1-го марта, важно бы встретиться и поработать числа 2–3, но об этом договоримся. Уеду тотчас после выборов. Всего доброго. До скорой встречи.

Ваша А.Э.

5

7 марта 1961 г.

Анечка, Ваше письмецо ждало меня здесь, как дружеский привет – спасибо за него. Кроме того, от усталости забыла поблагодарить Вас за мамино перепечатанное. Но суть моей

указывая, что образ Смертяшкина вобрал в себя черты, свойственные декадентам вообще, в том числе и Федору Сологубу (*Горький М.* Собр. соч.: В 30 т. Т. 10. Сказки, рассказы, очерки. 1910–1917. – М.: Гос. издательство худож. литературы, 1951. С. 419–460, 523–525).

³⁴ См. коммент. 5 к письму 1 от 9 января 1961 г.

³⁵ Этого стихотворения в *ИБ1* нет.

³⁶ Включено в *ИБ1*.

³⁷ «Переулочки» (1922) в состав *ИБ1* не вошли. Впервые опубликовано: *Цветаева М.* Ремесло. Книга стихов (Берлин: Геликон, 1923).

³⁸ Н. Н. Акопова – заведующая редакцией русской классики в Гослитиздате.

поспешной открытки не в этом, а в том, что мама благоволит к (?) нашим с Вами усилиям. После *трех лет* поисков здесь и на Западе *конца* «Челюскинцев»³⁹ – а я знаю, что стих был окончен, нашла его в прозаической черновой тетради. Как только узнаю об участии стиха в сборнике (гослитовском) – соответственно или телеграфирую Вам конец, или вышлю его письмом *только* для Вас, а стихотворение буду «устраивать» в каком-нибудь гостеприимном журнале. Могу только сказать, что это – самое патриотическое стихотворение Цветаевой! А сейчас меня интересует *принципиальное* отношение к нему – в данном сборнике и в до вчерашнего дня известном бесхвостом виде – Н.Н. и Орла⁴⁰. Сообщите, как решите с фотографией – вышлю увеличенную (с возвратом) – ту, что у Вас, где вдвоем. Целую Вас.

Ваша А.Э.

Написала Орлову дипломатическое (!?) письмо.

6

11 марта 1961 г.

Милая Анечка, получила Ваше письмо, не волнуйтесь, ради Бога, всё это суета сует и всяческая суета...⁴¹ Конечно, жаль, что мое имя не будет фигурировать хоть на задворках пети-том, но это – такая мелочь по сравнению с выходом самой книги, что не стоит расстраиваться⁴².

От Орлова я получила «любезнейшее» письмо, где явно видно его стремление «присвоить» «Челюскинцев» (якобы слишком трудных формально для первой книжки), и о наших отношениях не беспокойтесь – я ему куда нужнее, чем он мне, и на этом всё стоит и стоять будет. Что Вы называете моим «невмешательством» в книгу? Наоборот, вмешивалась, как могла – с целью ее улучшить – состав и *достоверность* его. Ни конфликтовать, ни судиться, далее ни разговаривать обо всем этом с кем-нибудь не собираюсь – это мне несвойственно и делу не поможет. А от Орлова я *многого* добилась по составу путем переписки, не имеющей никакого отношения к гослитовским с ним взаимоотношениям, и, конечно, и в дальнейшем буду поддерживать с ним связь с целью улучшить и обогатить состав, надеюсь будущей ленинградской книжки, даже если «мое» имячко «обратно» нигде не будет фигурировать⁴³. Не в именах дело, а в стихах. Как бы сам Орлов не был неприятен – буду всячески ему помогать, как каждому, кто будет браться за мамины издания. Ни о каких моих палках в колеса ни по каким соображениям (кроме, может быть, тех случаев, когда что-то нельзя печатать по личным, семейным обстоятельствам – слишком рано!) – не может быть и речи.

Вот Вам челюскинский хвост – покажите Орлову и настаивайте на напечатании в *этом* сборнике: (Ему о хвосте сообщила)

Второй уже Шмидт
В российской истории:

³⁹ Стихотворение «Челюскинцы» (3 октября 1934 г.) было впервые напечатано в 1946 г. в парижской газете «Советский патриот» (с опечаткой).

⁴⁰ В. Н. Орлов.

⁴¹ Выражение из Библии: «Суета сует, – сказал Екклесиаст, – суета сует, – всё суета!» (Екк. 12,8).

⁴² «В редакции к желанию дочери Цветаевой относились с полнейшим бессердечием: пространно и бездоказательно объясняли мне *юридическую* (!) невозможность даже *упоминания* А. С. Эфрон в первом посмертном цветаевском сборнике. Наставить было совершенно бесполезно...» – с возмущением вспоминала А. А. Саакянц. Она рассказала, как написала об этом В. Н. Орлову, который в ответном письме предложил «...внести в преамбулу примечаний (в самом ее конце) фразу: “В подготовке сборника ближайшее участие принимала А. С. Эфрон”» (С88. С. 14, 15).

⁴³ В книге серии «Библиотека поэта» (М.; Л.) было указано имя А. С. Эфрон (сост., подгот. текста и примеч. А. Эфрон и А. Саакянц).

Седыми бровями
Стесненная ласковость...

Сегодня – смеюсь!
Сегодня – да здравствует
Советский Союз!

За вас каждым мускулом
Держусь и горжусь —
Челюскинцы – русские!

Думаю, что Н.Н. поймет, правда?

Маше Тарасенковой⁴⁴ написала насчет Гончаровой⁴⁵, просила дать перепечатать; но не знаю, есть у нее⁴⁶.

—

Знаете ли Вы (нет, конечно!), что мама *не была знакома* с А. Штейгером⁴⁷ во время этой переписки и видела его – в 1-й и последний раз – уже после конца этого романа в письмах! У меня сохранились *все* черновики этих писем и все мысли ее по поводу... но об этом – после.

Еще раз – не беспокойтесь о моих отношениях с Орловым – я не буду вмешиваться в ваши с ним никаким боком. Но во многом (и не в мелочах) *он* вынужден не ссориться со мною. Единственная просьба – настоять на «Челюскинцах»!⁴⁸ Об этом же его *прошу* и я – но не как вмешательство в состав. Простите за сумбур, тороплюсь. Пишите. Бог даст жизни – у нас с Вами еще много будет интересного, *помимо* этой книги. Целую Вас.

Ваша А.Э.

⁴⁴ Мария Иосифовна (Осиповна) Белкина (в замуж. Тарасенкова; 1912–2008) – писатель, прозаик, литературовед, мемуарист. Член Союза писателей СССР (1961). Сотрудничала с журналом «Новый мир». Жена литературного критика, библиофила, собравшего большую коллекцию русской поэзии, Анатолия Кузьмича Тарасенкова (1909–1956), в 1950–1953 гг. заместителя главного редактора журнала «Новый мир» А. Т. Твардовского. Автор неоднократно издававшейся книги о судьбе Марины Цветаевой и ее семьи «Скрещение судеб».

⁴⁵ Имеется в виду очерк Цветаевой «Наталья Гончарова», написанный в 1929 г. В СССР отрывки печатались в сборнике «Мой Пушкин» (вступ. статья Вл. Орлова, подгот. текста и коммент. А. Эфрон и А. Саакянц. – М.: Сов. писатель, 1967). Впервые полностью опубликован в альманахе «Прометей» в 1969. № 7. С 144–201. Наталья Сергеевна Гончарова (1881–1962) – художник, график, сценограф, двоюродная правнучка жены Пушкина Н. Н. Гончаровой. Цветаева познакомилась с ней в 1928 г. в Париже, их встречи и переписка продолжались во время работы поэта над очерком о ней. В 1930 г. Гончарова иллюстрировала поэму-сказку Цветаевой «Мблodeц». Некоторое время у Гончаровой брала уроки рисунка и Ариадна Эфрон. Но долгой дружбы у Цветаевой и Гончаровой не случилось.

⁴⁶ А. А. Саакянц переписала для А. С. Эфрон очерк «Наталья Гончарова. Жизнь и творчество», работая в спецхране Библиотеки им. Ленина. Очерк был напечатан в пражском журнале «Воля России» в 1929 г. (№ 5/6, 7 и 8/9) (В2. С. 101).

⁴⁷ Анатолий Сергеевич Штейгер (1907–1944), барон – один из поэтов «первой волны» эмиграции, представитель «Парижской ноты». Происходил из старинного швейцарского рода. С детства был болен тяжелой формой туберкулеза, от которого умер в возрасте 37 лет. Автор сборников стихов «Этот день» (1928), «Эта жизнь» (1931), «Неблагодарность» (1936) и др.; «2х2=4» (1950; 1982, посмертно). Штейгер посвятил Цветаевой стихотворение «60-е годы» («В сущности, это как старая повесть...», 1930-е). К Штейгеру обращен цикл стихотворений Цветаевой «Стихи сироте». // Цветаева и Штейгер состояли в переписке, которая длилась (с перерывами) с января 1932 г. по январь 1937 г. Получив от Штейгера в 1936 г. сообщение о предстоящей операции, она писала ему почти каждый день, выражала в письмах сочувствие, утешала его, так как около него в момент болезни не было его близких. // С Цветаевой Штейгер впервые увиделся, видимо, в 1931 г. на литературном вечере, но продолжения отношений не последовало. В 1932 г. он прислал Цветаевой свой сборник «Эта жизнь. Стихи» с надписью: «Марине Цветаевой, великому поэту, от глубоко преданного А. Штейгера», она ответила (два письма от 25 января и 26 апреля 1932 г.), но на этом их переписка тогда закончилась. 22 ноября 1936 г. Штейгер посетил Цветаеву в Париже (см. письмо Ю. П. Иваску от 23 ноября 1936 г. – СС7. С. 403), после этого они не встречались.

⁴⁸ Стихотворение «Челюскинцы» в состав *И61* было включено, с иной разбивкой строк.

Анечка, пошлю Орлову письмо на редакцию (ответ на его вопросы) – передайте, не бойтесь, там взрывчатки нет. И Н.Н. объясните, что я не скандальная!!!

Спасибо Вам за всё.

7

14 марта 1961 г

Милая Анечка, спасибо за письмо и за карточку – конечно, я ее не знаю, но будь она даже из известных, и то обрадовалась бы, т. к. у меня снимков – раз, два и обчелся. Никогда не просила, а украла один раз, перед носом Ольги Всеволодовны⁴⁹, чтобы покарать ее за жадность по отношению к Косте⁵⁰... и украденное сейчас же, под столом передала Косте же; а теперь жаль немножко. Карточку мамину со мной, если пригодится и можно сделать приличный портрет, переснимите и верните, ладно? А предполагаемый конверт – Вам – на память о двух людях, теперь уже превратившихся в имена. Конечно, конверт – не Бог весть что, но учитывая, что ни Борис Леонидович *никогда больше* не напишет, а мама – *никогда больше* не прочтет, то и это – большая и неповторимая ценность, правда ведь? В конверте были какие-то (напечатанные) заметки Городецкого об Есенине⁵¹, посылавшиеся Борисом Леонидовичем маме, поэтому я и решила (раз не письмо) разлучить конверт с содержимым – в Вашу пользу.

Всех «Челюскинцев» у меня здесь нет, только успела перед отъездом переписать хвост. Разница с тем текстом – не ««Челюскинцев» вырвали», а «Товарищей вырвали»⁵², что, конечно, правильное. Два раза подряд «Челюскинцы Челюскинцев» – определенная описка – мамина.

У Орлова никаких портретов нет, и ничего он не имеет определенного в виду, о чем он и писал мне когда-то. Он также не скрывает, что и стихи (о прозе и некоторых поэмах и речи нет) – знает слабовато. Сейчас в связи с книжкой рылся по библиотекам и начитался галопом, но говорит, что в Ленинградской библиотеке немного, но нашлось. Письмо его ко мне весьма любезное, с «дорогая» и проч., но все с той же подоплекой (желание «прикарманить» кое-что для следующего сборника). Я ему написала с большевистской прямоотой, что тот сборник не будет обижен, т. к. есть (и это действительно так) – множество вариантов и разночтений, а еще неизданные и ему неизвестные вещи и для «Библиотеки поэта», и что во всем ему помогу,

⁴⁹ Ольга Всеволодовна Ивинская (1912–1995) – редактор, переводчица, писательница (автор книги «Годы с Борисом Пастернаком. В плену времени». М., 1992). Подруга и муза Б. Л. Пастернака (1946–1960 гг.), адресат многих его стихотворений, в том числе и из цикла «Стихотворения Юрия Живаго». Одни исследователи считают ее прототипом Лары в романе «Доктор Живаго», другие полагают, что этот персонаж романа – собирательный образ. Дважды арестовывалась – в 1949 г. за «антисоветскую агитацию» (освобождена в 1953 г.), в 1960 г. по обвинению в контрабанде (за получение авторских гонораров за заграничные издания «Доктора Живаго»). Освобождена досрочно в октябре 1964 г., в 1989 г. реабилитирована. А. С. Эфрон была дружна с семьей Ивинской с 1965 г.

⁵⁰ Константин Петрович Богатырев (1925–1976), переводчик с немецкого, работал в издательстве «Иностранная литература». Отец Кости – известный ученый-фольклорист, этнограф, переводчик, доктор филологических наук, профессор МГУ, доктор honoris causa Карлова университета (Прага) и университета Яна Амоса Коменского (Братислава) Петр Григорьевич Богатырев (1893–1971) был знаком с Борисом Леонидовичем, что позволило Константину, увлекающемуся поэзией Пастернака, входить в круг его знакомых. Постоянным гостем он был и в семье Ивинской. В 1951 г. по доносу был арестован в составе группы студентов, обвиненных в подготовке покушения на Сталина, в 1956 г. реабилитирован. Погиб при невыясненных обстоятельствах на лестничной площадке своего дома.

⁵¹ Сергей Митрофанович Городецкий (1884–1967) – поэт, переводчик, представитель «Серебряного века», вместе с Н. С. Гумилевым – организатор «Цеха поэтов», символист, а затем имажинист, автор многих сборников стихов. В 1915 г. познакомился с Сергеем Александровичем Есениным (1895–1925), помогал ему продвигать стихи в питерские журналы. Позже, когда Есенин стал известным поэтом, они виделись реже, как правило, на литературных вечерах, но человеческую привязанность сохранили навсегда. Подробнее об отношениях Есенина и Городецкого см.: *Енишерлов В.* Его самородная стихия (газета «Советская Россия», М., 1985. 8 сент.). Городецкий высоко отзывался о поэзии Есенина. В 1922 г. он назвал его поэму «Пугачев» «лучшей вещью», которая войдет «в сокровищницу литературы» (рецензия в московской газете «Труд» за подписью «С.Г.»). Возможно, Б. Пастернак передал Цветаевой именно эту рецензию Городецкого, а может быть, и его воспоминания, опубликованные в № 2 журнала «Новый мир» в 1926 г. (*Городецкий С. О Сергее Есенине. Воспоминания*).

⁵² «Товарищей вырвали» – в тексте поправлено.

когда придет время. «Высадку» «Челюскинцев»⁵³, «Я тебя любила фальшью»⁵⁴ и целого ряда других – простых по форме по сравнению с теми, поздними, что предложил он сам, стихами – объясняет «сложностью формы», первый сборник должен быть доходчивым, мол.

Меня вот что тревожит: «подчистили» ли Вы отправленный ему экземпляр? Там ведь были пометки на полях (примечаний и оглавления), от которых он взбеситься может – а это ни к чему. Пишет, что собирается настаивать в Гослите на том, чтобы сборничек шел «молнией» – для того, чтобы выпустить его в августе – к 20-летию со дня смерти.

Помогает ли мне Лопе?⁵⁵ – Даже не успеваю задуматься над этим! «Пушкин и Пугачев»⁵⁶ есть у меня в рукописи. Очень его люблю. Сильно, оригинально, так не похоже на «Пушкинистов», но вообще с прозой у меня плоховато. И из «Федры»⁵⁷ сохранилась середина только, начинающаяся словами – Вы только вдумайтесь: «На хорошем деревце – повеситься не жаль...»

Мама вся – признаки и приметы, и так и разговаривает со мной по сей день. Не пугайтесь, это – не мистика. Простите за мешанину – тороплюсь, как всегда. Целую Вас.

А.Э.

8

19 марта 1961 г

Милая Анечка, очень наспех отвечаю на Ваше, обратно же милое письмо.

1) По-моему, «Сентябрь» 1-й стих (если это тот, где «эти горы – родина сына моего») не годится (политически), ибо там – «вековая родина всех, кто без страны», т. е. славословие эмиграции определенного толка. По этим соображениям прежние отцы крестные «верстки» и не включили это стихотворение в первоначальный состав⁵⁸.

2) «В мыслях об ином»⁵⁹: в черновиках писем к Штейгеру говорится об этом стихе, как написанном *ему же*; в черновой тетради идет *среди* стихов цикла, но *цикл* там не обозначен (стихи не объединены); в белой тетради идет *после* цикла, видимо, потому, что, выписывая из черновой, мама его обнаружила в черновиках *писем* не сразу, т. к. оно было маленькое, и поместила потом не по порядку; сужу по тому, что и я его заметила не сразу. Белая тетрадь фактически получерновая, т. е. та тетрадь, в которой именно эти стихи, т. к. там есть пропуски в тех местах, которые мама хотела еще доработать. Так, две первые строки данного стиха отсутствуют там, и взяты мной как *последний* вариант в черновой тетради. Разобрались?

Огромное количество черновых вариантов в этих стихах... Т. е. в стихах этого цикла. По черновой тетради «в мыслях об ином» идет вслед за «Пещерой»⁶⁰ («Могла бы – взяла бы...»), и дата «Первой попытки чистовика» Пещеры 27 августа 1936 г.

Дата «В мыслях» (по черновой тетради) 29 августа 1936 г. О том, что «В мыслях» – из *того же* цикла говорит и одно из разночтений двух строк: «В мыслях – а о чем – и знаком

⁵³ «Высадку» «Челюскинцев». – Речь, как и прежде, идет о включении этого стихотворения в сборник.

⁵⁴ «Я тебя любила фальшью...». – Прав.: «Ты, меня любивший фальшью...» (1923) – стихотворение, обращенное к К. Б. Родзевичу, в *И61* не включено. Вошло в книгу серии «Библиотека поэта» (М.; Л.: 1965). При жизни поэта не печаталось. Впервые – «Тарусские страницы» (Калуга. 1961. С. 258).

⁵⁵ А. Эфрон переводила (с подстрочника) для собрания сочинений испанского драматурга Феликса Лопе де Веги (1562–1635) комедию «Что случается в один день».

⁵⁶ Очерк «Пушкин и Пугачев» (1937) напечатан в журнале «Русские записки» (Париж; Шанхай, 1937. № 2).

⁵⁷ Цитируемые слова из трагедии «Федра» принадлежат Кормилице, которой Цветаева отводила важную роль в пьесе (вторая картина «Дознание»).

⁵⁸ Из «Стихов к Чехии» (1938) в *И61* включены: из цикла «Сентябрь» – «Есть на карте место...» и «Один офицер».

⁵⁹ Первая строка стихотворения из цикла «Стихи сироте» (1936).

⁶⁰ «Пещера» вошло в *И61* в цикле «Стихи сироте».

Не доверю, ибо – клад...».

Так что убеждена, что можно и нужно включить в цикл в порядке написания, т. е. вслед за «Пещерой». Откуда у Вас (забыла!) даты этого цикла? Из белой цветаевской тетради или из напечатанного? Последнее может быть произвольным, т. е. не датой написания стиха, а датой написания *письма*.

«Гончарова» нужна мне⁶¹ (хотелось бы) в *апреле*, но, конечно, это зависит от Ваших возможностей, а не от моих пожеланий.

Ясная Поляна, Полотняный завод⁶² – всё это в наших краях. Я вот пишу Вам в Калужской области, а через реку вижу – Тульскую. Ладыжино, где родилась Гончарова⁶³ – в Тарусском районе, мы туда купаться ходим – чудный пляж (километров 5–6 от Тарусы). «Полотняный Завод» стоит на Оке. Конечно, ни в «Поляну», ни на «Завод» пешком отсюда не дойдешь, но все же – те же места, та же природа.

—

Очень прошу следить за вьетнамцем⁶⁴ и Тагором⁶⁵, т. к. это – *деньги*, а о составе семьи (нуждающейся) Вы знаете. И еще – если не трудно, одного Арагона⁶⁶ пришлите мне сюда. Только если не трудно. Пишите *всё* о книге. Как только сброшу Лопе с плеч (или он меня – ибо получается неважно!) все будет легче, и встретимся по-настоящему. Целую, спасибо за всё.

Ваша А.Э.

9

22 марта 1961 г.

Милая Анечка, открытку получила, рада, что конверт доставил Вам удовольствие. Жаль, что в таких бесспорных вещах, как «Челюскинцы» и прочее приходится воевать да дипломатию разводить с Орловым. Надеюсь, что баталию выиграете, но, пожалуйста, будьте гибки и изворотливы, и Вы сами знаете, пусть я останусь в стороне. Самое умное – держаться за *приоритет* на неизданное, предоставленный мною издательству. Вы мне не писали, оставил ли он *офицеров* – наверное, да. Очень будет досадно, если их не удалось высадить. Я, приехав из Москвы, написала Орлову в ответ на его письмо и просила сообщить окончательное решение насчет «Челюскинцев», с тем, что если, мол, он не захочет использовать этот стих в сборнике, то у меня есть «покупатель» – некий журнал (и правда, есть!), куда это стихотворение немедленно помещу, считая себя свободной от обязательств по отношению к Гослиту. Таким образом дала ему понять, что неопубликованным распоряжаюсь я, а не он, и что если не поместит

⁶¹ О переписке А. А. Саакянц очерка «Наталья Гончарова» см. коммент. 7 к письму 6 от 11 марта 1961 г. Ариадна Сергеевна получила переписанный текст в апреле (см. письмо 16 от 16 апреля 1961 г.).

⁶² Полотняный Завод – поселок в Калужской области в бассейне Оки. Название произошло от Парусно-полотняного завода, построенного в 1718 г. В 1720 г. здесь основана при участии А. А. Гончарова (прапрадеда жены А. С. Пушкина) бумажная фабрика. В 1735 г. завод перешел в собственность семьи Гончаровых. Усадьба принадлежала Николаю Афанасьевичу Гончарову (1741–1785), затем перешла по наследству к его сыну, Афанасию Николаевичу Гончарову (1760–1832).

⁶³ А. С. Эфрон повторяет сведения из цветаевского очерка «Наталья Гончарова»: «Наталья Гончарова родилась в Средней России, в самом сердце ее, в Тульской губ<ернии>, деревне Лодыжино» (СС4. С. 75).

⁶⁴ А. С. Эфрон переводила для книги «Стихи» (М., 1961) вьетнамского поэта, политического деятеля То Хыу (наст. имя Нгуен Ким Тхань; 1920–2002).

⁶⁵ Речь идет о гонораре за переводы стихов индийского поэта Рабиндраната Тагора (1861–1941), выполненные А. С. Эфрон для его собрания сочинений (Собр. соч.: В 12 т. М., 1964. Т. 7). Впоследствии, 1 мая 1961 г., Ариадна Сергеевна призналась А. Саакянц, что она в дальнейшем отказалась от переводов Тагора, считая, что они у нее «не получаются».

⁶⁶ А. С. Эфрон перевела три стихотворения французского поэта и прозаика Луи Арагона (наст. имя Луи-Мария Андриё; 1897–1982): «О, безбожник», «Песнь будущего» и «Руки Эльзы» (Иностранная литература. 1965. № 4).

в *этом* сборнике, то стих будет напечатан раньше, чем выйдет в «Библиотеке поэта». Вообще, думаю спорить не будет, т. к. концовка говорит за себя. Знает ли он ее? Косте сердечный привет, я тоже буду помнить ту встречу всю жизнь. Этот год прошел как 1000 лет, 1001 ночь! Целую.

Ваша А.Э.

10

25 марта 1961 г.

Милая Анечка, за Арагона спасибо и «недозволенное вложение» – спасибо большое. Не без страха жду, чем Вы меня «порадуете» на той неделе. Еще раз прошу Вас о том же, о чем Вы меня просили – т. е. о гибкости *поведения* по отношению к «Орлу» и о полнейшей отрешенности редакционной от меня, чтобы он не почуял и тени моих пожеланий в ваших. Обо мне редакция знает лишь одно: в свое время я Вам предоставила материалы для цветаевского «Избранного» и приоритет на первоиздание неопубликованного; по договору сроки истекли, я, письмом – ВОАП⁶⁷ и Госиздату продлила его еще на два года, т. е. «их» – сроки. (Кстати, загляните Вы и в деловую часть – возможно, и срок продления уже истек, не помню, а «бумаг», конечно, под рукой нет.) Чтобы Орлов учел, что в случае неиспользования *Вами* неопубликованного оно никакими «наследственными» путями не перейдет в его владение. Тогда он сам будет заинтересован в том, чтобы это появилось под его эгидой хотя бы не в его издании.

Насчет портрета: если не пойдет тот, где мы вдвоем, то, думаю, придется *еще раз* перебрать тот, что однажды был плохо переснят в Гослите. Есть еще один снимок, который Вы видели у меня в альбоме, размер 6х9 (портретный) – по возрасту – между теми двумя, но что-то он нас с Вами не привел в восторг. В любом случае, какой снимок ни брать, очень важна умная ретушь, каковой в гослитовском портрете не наблюдается – портрет *очень* искажен.

А вообще я тут согласна с Орловым, мне кажется, что портрет важен для сборника. Пусть будет знакомство с человеческим лицом!

Где были напечатаны «Стихи к сироте»? Мне пишут из США, что это было последнее, опубликованное ею перед отъездом, но *где* – не пишут⁶⁸.

Знаете и Вы, что «Занавес» был опубликован в «Русском Современнике»⁶⁹ (Ленинград – Москва 1924 г.) в *иной* редакции, чем «После России»? Вот только сейчас узнала впервые, что стихи 24-го года были опубликованы *здесь* после ее отъезда. Каким образом? Верно, через Бориса Леонидовича, как когда-то стихи, посланные через Бальмонта⁷⁰, публиковались там, когда мама была здесь. Из цикла «Стол» на Западе было напечатано 2 стиха – «Спасибо за то, что ствол» и ... «Спасибо за то, что шел»⁷¹. Если бы в сборнике пошел весь цикл, то я произвела

⁶⁷ ВУОАП – Всесоюзное управление по охране авторских прав (1938). С 1973 г. Всесоюзное агентство по авторским правам (ВААП). 14 мая 1991 г. преобразовано в Государственное агентство СССР по авторским и смежным правам (ГААСП), на которое было возложено соблюдения прав и законных интересов обладателей авторских и смежных прав.

⁶⁸ Цикл «Стихи сироте» (1936) напечатан в 1938 г. в парижских «Современных записках» (кн. 66).

⁶⁹ Стихотворение «Занавес» (1923) впервые опубликовано в 1924 г. в журнале «Русский современник» (Ленинград). Это был единственный литературно-художественный независимый журнал, издававшийся в России в период НЭПа в 1924 г. Отв. ред. А. Н. Тихонов. Журнал издавался при ближайшем участии М. Горького, Евг. Замятина, А. Н. Тихонова, К. Чуковского, Абр. Эфроса. Выходил раз в два месяца (всего вышло четыре выпуска). Б. Л. Пастернак действительно «...напечатал стихи Марины Ивановны в Москве в журнале «Русский современник»» (Белкина. С. 38). В третьей книге были опубликованы два ее стихотворения («Занавес» и «Сахара»). При жизни поэта стихотворение вошло в книгу «После России» (1928, Париж). Включалось Цветаевой также в план «Сборника 40-го года» (при жизни не вышел). В черновой тетради (СТ, 178) вариант: // Под ударом трагического единства // Бьется занавес как // – // (или рвется?) // (Занавес – 23-го нов<ого> июня 1923 г.)

⁷⁰ Константин Дмитриевич Бальмонт (1868–1942) был дружен с Цветаевой. В мае 1920 г. покинул Россию, обосновался в Париже.

⁷¹ Из цикла «Стол» (1933–1935) в парижском журнале «Встречи» (1924 г. № 1) были опубликованы два из пяти (в другой

бы еще одну глубокую разведку в черновиках, чтобы найти хвост, отсутствующий в белой тетради, стиха «Квиты, вами я объедена»⁷². Это – единственная возможность восстановить, т. к. свериться больше не с чем, пока что.

Погода – то метель, то солнце. В голове – то Лопе, то Вега. Так и существую, дальше видно будет. Как раз в тот день, который и Костя помнит, 21 марта, получила первое письмо от Иры⁷³ – посланное с оказией, т. к. он может переписываться только с братом⁷⁴. Живет, работает, читает «Волшебную гору»⁷⁵ и ...довольна судьбой, что меня очень огорчило. Целую.

Ваша А.Э.

11

29 марта 1961 г.⁷⁶

Милая Анечка, спасибо за утешительную весточку – Дай Бог!

Приехать не могу главным образом потому, что подвернула ногу, получилось растяжение и добраться в таком состоянии до Москвы невыносимо. Очень жаль, *надо бы* приехать. «Офицера» меня все же огорчают, они будут очень диссонировать – да и патриотизм, мягко говоря, жидковат! Не находите?

А история стиха такова (истории, связанные со *многими* стихами, помню!) – на толкучке, в той старой Москве, которую Вы знаете только по стихам, а я еще застала ребенком – мама купила чудесную круглую высокую (баночку? коробочку?) из папье-маше с прелестным романтическим портретом Тучкова-четвертого⁷⁷ в мундире, в плаще на алой подкладке – красавец! И хотя в те годы мама явно предпочитала Наполеона его русским противникам... но перед красотой Тучкова не устояла – вот и стихи! Коробочка эта сопровождала маму всю жизнь, стояла на ее столе, с карандашами, ручками. Ездил из России, вернулась в Россию... Где она теперь?

Култ Наполеона в те годы – моего раннего детства – шедший еще от бабушки⁷⁸ – цвел в нашем доме. Как мне попало, четырехлетней, когда я раскокала чашку, всю золотую внутри,

редакции – шести) стихотворений цикла: 1. «Мой письменный верный стол! / Спасибо за то, что шел...» и 5. «Мой письменный верный стол! / Спасибо за то, что ствол...».

⁷² «Квиты: вами я объедена...» (1933) – шестое стихотворение цикла «Стол». В «Сборнике 40-го года» в цикл не вошло. В ИБ1 включено без 3-й и 7-й строф как четвертое в цикле.

⁷³ Ирина Ивановна Емельянова (р. 1938) – писательница-мемуаристка, педагог. Дочь О. В. Ивинской и Ивана Васильевича Емельянова, директора школы рабочей молодежи. В 1960 г. вместе с матерью арестована по обвинению в контрабанде валюты и осуждена на три года исправительно-трудовых лагерей. Освободилась в 1962 г. Работала литературным редактором в издательстве «Музыка». С 1985 г. с мужем и детьми – во Франции. Преподавала русский язык в Сорбонне. Автор книги: *Емельянова И. И. Легенды Потаповского переулка: Б. Пастернак, А. Эфрон, В. Шаламов: Воспоминания и письма*. М.: Эллис Лак, 1997; составитель издания: *Эфрон А. Жизнь есть животное полосатое. Письма к Ольге Ивинской и Ирине Емельяновой (1955–1975)*. М.: Студия ВИГРАФ, 2004. Подготовила к печати книгу стихов матери (1999), ее избранных стихотворений и прозы (2012). После смерти мужа, В. М. Козового, занимается его поэтическим наследием, составитель сборника мемуаров о нем.

⁷⁴ Дмитрий Александрович Виноградов (р. 1942), единоутробный брат И. И. Емельяновой.

⁷⁵ «Волшебная гора» – философский роман немецкого писателя Томаса Манна (1875–1955).

⁷⁶ Печталось: В2. С. 99, с сокращениями.

⁷⁷ Тучков-четвертый – Александр Алексеевич Тучков 4-й (1778–1812) – генерал-майор, сын сенатора, генерала инженерных войск Алексея Васильевича Тучкова (1729–1799), младший из пяти его сыновей. Во время Бородинского сражения был смертельно ранен в грудь картечью, вынести с поля боя его не смогли. Звание генерал-майора получил в 1808 г. в возрасте 30 лет. Возможно, на коробочке (карандашнице) был изображен парадный портрет А. А. Тучкова работы Джорджа Доу (Военная галерея Зимнего дворца, Эрмитаж, Санкт-Петербург). Установить место ее нахождения не удалось. Известно, что Цветаева, уезжая из Франции, взяла ее с собой.

⁷⁸ Наполеон I Бонапарт (1769–1821) – французский император. Цветаева воспринимала его как сильную личность, несправедливо потерпевшую крушение в жизни. Любовь к Наполеону в семье, видимо, шла от Марии Лукиничны Бернацкой (1840–1868) – бабушки Цветаевой по материнской линии. Бабушку Марина не знала, но в семье хранилась память о ней: на стене висел ее портрет, под впечатлением от которого Цветаева написала стихотворение «Бабушке» (1914). Упоминаний об увлечении бабушки Наполеоном Бонапартом в воспоминаниях не найдено.

с портретом императрицы Жозефины⁷⁹, и «овдовила» парную с ней чашку с Наполеоном! До сих пор помню...

Но я растеклась мыслию⁸⁰ по дереву, а надо работать. Как Вы, кстати, понимаете это: «растекаться мыслию по дереву»? Напишите. Мне пришло одно занятное толкование в голову. Не сейчас, конечно, сейчас ничего не приходит в оную и почти ничего не выходит оттедова.

Анечка, не забывайте вести счет моим долгам, т. к. за «Гончарову» надо же платить, купите, если не трудно, парочку-троечку «Вьетнамцев». Есть ли у Вас пока деньги на эти непредусмотренные расходы? «Приключение» и «Фортуна» есть и то ли «Тезей», то ли «Федра» – не помню, которая из двух.

Пьес, действительно семь, из которых одна не опубликована – «Червонный валет» (вернее, драматический этюд или сценка) – и одна «Ангел на площади» – самая первая – утрачена, т. е. была бы первой по счету из *восьми*⁸¹.

Поэмы сейчас не помню, может быть, он (Орел) считает неопубликованного (но и незавершенного) «Егорушку»⁸² – самую большую из неоконченных поэм?

Да, я написала как-то Орлову, что очень довольна Вашим редакторством книги, т. е. что она именно в Ваших руках, популярно «разобъяснила» почему – но все это не есть «чрезмерные похвалы».

Пока все на скорую руку. «Орловской» фотографии не завидуйте – у Вас еще все впереди! Целую Вас

Ваша А.Э.

12

8 апреля 1961 г.

Милая Анечка, спасибо за всё – пока, по тем же причинам, что и у Вас – вкратце! Статья, действительно, вполне, может быть, даже чересчур (?) приемлемая, а заплатки сразу видны, т. е. не входят в органическую ткань. Что, в общем, и требуется. Ахматова, пришедшая как раз на Пасху, обрадовала. В книжечке много тех, прелестных стихов⁸³, за которые всегда будем

⁷⁹ Жозефина де Богарне (1763–1814; урожд. Мари Роз Жозефа Таше де ла Пажери) – императрица Франции в 1804–1809 гг., первая жена Наполеона Бонапарта, которую Цветаева любила и жалела; Марина ненавидела вторую жену Наполеона, мать герцога Рейхштадского – австрийку Марию-Луизу, для которой, чтобы иметь сына, он должен был оставить любимую, но бесплодную Жозефину.

⁸⁰ «Растекаться мыслию по дереву» – фраза из «Слова о полку Игореве» означает ненужные подробности, уводящие говорящего от сути проблемы. Значение этого выражения в СССР дети знали со школьной скамьи. Однако существует и другое значение этого выражения (см. коммент. 9 к письму 13 от 11 апреля 1961 г.).

⁸¹ Цветаева написала восемь пьес: «Червонный валет» (1918), «Каменный Ангел» (1919), «Метель» (1918), «Фортуна» (1919), «Приключение» (1918–1919), «Феникс» (1919), «Ариадна» (1924), «Федра» (1927). // Работала также над пьесами «Дмитрий Самозванец», «Бабушка», «Ученик», <«Пьеса о Придворном комедианте и Мэри»> (наброски) – сохранились некоторые планы и черновые наброски (ТТЛ. Кн. 2. С. 145). // «Ангел на площади». – Об этой пьесе сведений найти не удалось. // При жизни поэта публиковались пьесы «Метель» (Звено. Париж. 1923. 12 февр.); «Фортуна» (Современные записки. Париж. 1923. № 14, 15), «Приключение» (Воля России. Прага. 1923. № 18–19); «Феникс» (изд-во «Созвездие». Москва, 1922; одно действие под названием «Конец Казановы. Драматический этюд»; полностью – Воля России. 1924. № 8–9); «Ариадна» (Версты. Париж. 1927. № 2, под названием «Тезей»); «Федра» (Современные записки. 1928. № 36–37). Цветаева предполагала издать пьесы отдельной книгой под названием «Романтика», но ее желание не осуществилось.

⁸² «Егорушка» (1921–1928) – незавершенная поэма-сказка. На ее создание Цветаеву вдохновила встреча с Борисом Александровичем Бессарабовым (1897–1970), красноармейцем, влюбленным в стихи. Его облик напомнил ей героя русских сказок. При жизни Цветаевой не публиковалась. Печатались лишь отрывки из нее, ставшие отдельными стихотворениями. Впервые в кн.: *Цветаева М. Сочинения*: В 2 т. Т. 1. М.: Худож. литература, 1988.

⁸³ Речь идет о книге стихов: *Ахматова Анна. Стихотворения. 1909–1960* (М.: Гослитиздат, 1961). Ранее, в 1959 г., А. Ахматова по просьбе А. Эфрон (письмо от 20 декабря 1958 г.) подарила ей только что вышедшую книгу «Стихотворения» с надписью «Ариадне Сергеевне Эфрон не без смущения эти обломки. Ахматова. 4 янв. 1959 г. Ленинград» (В2. С 62). Ариадна Эфрон познакомилась с Анной Ахматовой у Бориса Пастернака в январе 1957 г.

прощать ее теперешнее ожирение всестороннее. Портрет ошеломляющий, вначале – всматриваешься, и хорошо. Но, конечно, же не для данной серии гослитовской. Если консультанты те, о которых пишете – Твардовский⁸⁴ и Перцов⁸⁵, то последний уже консультировал верстку – Мария Яковлевна⁸⁶ говорила, что благожелательно, а первый, по словам Эренбурга, считает Марину Цветаеву поэтом «интересным, но не крупным»⁸⁷. Сам он решать не любит, и в качестве консультанта сам консультируется, таким путем чуть не закопал Паустовского⁸⁸ и угробил Казакевича⁸⁹. Посмотрим.

Что до колдовства, то я, как и Вы, не «произвожу» его, а только «потребляю». Спасибо, что нам хоть это дано. Что еще? Еще много всего, но – потом. – А пока целую Вас. Спасибо за всё. Привет Косте, непременно соберемся все вместе.

Пишите!

Ваша А.Э.

13

11 апреля 1961 г.

Милая Анечка, я вчера внимательнее, хоть и не на полную мощность внимания, перечла Орловскую статью. Мне кажется, что:

1) «Происшествие» (стр. 6) независимо от того, произошло ли оно, или случилось, вообще не то слово, когда речь идет о принятии или непринятии Октябрьской революции. Вслушайтесь! Тут уж скорее о событии, чем о происшествии говорится.

2) Правильно ли толкуется цитата из «Искусства при свете совести»⁹⁰ (которого у меня нет, так что проверить не могу). Действительно ли Цветаева говорит о том, что важнее в поэте – человек или художник, и разделяет эти понятия в поэте? Или говорит о том, полезнее в жизни, для жизни – поэт или другие? («физики и лирики»)!⁹¹

3) На стр. 14 надо восстановить букву «е» в имени Вольтера, в конце. Ерунда, конечно!

4) Дата маминой смерти – 31 августа 1941, а не 28. Откуда 28-е?

⁸⁴ Александр Трифонович Твардовский (1910–1971) – главный редактор журнала «Новый мир» (1950–1954; 1958–1970).

⁸⁵ Виктор Осипович Перцов (1898–1981) – литературовед, литературный критик, автор фундаментального труда о творчестве В. В. Маяковского. Был рецензентом составленного А. С. Эфрон несостоявшегося сборника, который предполагалось выпустить в 1957 г. Отчасти и по его вине книга так и не увидела свет.

⁸⁶ Мария Яковлевна Сергиевская – редактор сборника.

⁸⁷ Слухи, бродившие в околоредательской среде, мягко выражаясь, неточны. Твардовский под своим именем опубликовал в журнале «Новый мир» (1962. № 1. С. 281) рецензию на книгу М. Цветаевой *И61*, где восторженно отозвался о ней.

⁸⁸ Речь идет о повести Константина Георгиевича Паустовского (1892–1968) «Время больших ожиданий». Первоначально ее предполагалось издать в журнале «Новый мир» у Твардовского. Но редакция предложила автору основательно переработать рукопись, особенно части, касающиеся И. Э. Бабеля. Паустовский внес некоторые изменения в текст, но это не устроило редакцию. В результате повесть была опубликована в 1959 г. в журнале «Октябрь» (№ 3–5).

⁸⁹ Здесь имеется в виду повесть «Синяя тетрадь» (первоначальное название «Ленин в Разливе») Эммануила Генриховича Казакевича (1913–1962), которую он отправил в «Новый мир» Твардовскому. Но редакция сообщила автору, что работа может быть принята, если он внесет в рукопись ряд значительных поправок. По предложению Федора Ивановича Панферова (1896–1960), главного редактора журнала «Октябрь» (с 1931 г.), Казакевич передал повесть в его журнал. Панферов делал все от него зависящее, чтобы напечатать «Синюю тетрадь», но опубликовать ее удалось лишь после разрешения Н. С. Хрущева. А. Эфрон познакомилась с И. Э. Казакевичем летом 1955 г., только что вернувшись из туруханской ссылки.

⁹⁰ Эссе «Искусство при свете совести» печаталось в отрывках в журнале «Современные записки» (Париж. 1932. № 50; 1933. № 51). В письме редактору журнала Вадиму Викторовичу Рудневу (1879–1940) от 9 октября 1933 г. Цветаева упрекала его: «Сократив когда-то мое “Искусство при свете совести”, Вы сделали его непонятным, ибо лишили его связи, превратив в отрывки» (СС5, 697). В 1932 г. в белградском журнале «Руски архив» (XVIII–XIX) были опубликованы фрагменты этой статьи в переводе на сербскохорватский, в котором есть главы, отсутствующие в русском тексте.

⁹¹ Возможно, речь идет о фразе из главки «Попытка иерархии»: «Для большого поэта достаточно большого поэтического дара. Для великого самого большого дара – мало, нужен равноценный дар личности: ума, души, воли и устремление этого целого к определенной цели, то есть устройство этого целого» (СС5. С. 358, 359).

5) Стр. 17... «самых ординарных тем»... и в качестве примера – два стиха *о смерти* («Идешь, на меня похожий»⁹² и «С большою нежностью»). Ничего себе ординарная темочка! Может быть, хоть одно из двух стихов заменить чем-нибудь, действительно более «ординарным» по теме?

6) Хотя в «Занавесе» поэт себя и отождествляет с ним, но подставлять недаром опущенное «падаю» звучит, на мой слух, нелепо: «падающий, раздвигающийся, опускающийся поэт – зрелище не весьма величественное. Не лучше ли бы отнести «падаю» и «опускаюсь» к занавесу – т. е. «падает» или «опускается»? Там, где *можно*, она говорит о занавесе как о себе, от 1-го лица: «Я *скрываю* героя в борьбе с роком»...⁹³ Посмотрите, вслушайтесь.

7) О раскрытии Мира в звучании (та же страница) вообще-то верно, но цитата ужасна – у Орла недостает слуха. «Словоискатель, словесный (?) хахаль, слов неприкрытый кран» – гневно-ироническое обращение к поэтам – формалистам (слово из слова, ради слова) к поэтам – щеголям, баловням и баловникам словом и слова, к поэтам – водолеям (бальмонтовского толка), к тем, кто *не* слушает и *не* слышит «ох, эх, ах»⁹⁴ *жизни*. И, основываясь на этом, делать вывод, что для Цветаевой поэт *всегда* «словоискатель»... «слов неприкрытый кран» (!!!)⁹⁵ (хоть «хахалю» выкинул, не задумываясь, почему и «хахаль» в этом, как он решил, высоком поэтическом ряду)! – делать дикую ошибку! Которую он и делает, и которую необходимо исправить.

8) Верно ли, что «ритм – самая *суть*... поэзии Цветаевой»? Не мало ли для *сути поэзии*?» Может быть, суть не поэзии, а поэтической *формы*, в которую она (Марина Цветаева) облекла *суть*?⁹⁶ Подумайте (та же 23-я стр.).

9) На стр. 24 опечатка в «анжабеманах»⁹⁷, роднящие этот галлицизм с русской «ж». В общем – мило звучит: «спотыкаться на анжабеманах» – да еще «бесконечных»! Пустяк, конечно... («Enjamber» значит перетягивать. Хорошо, правда?).

О «мысли, растекающейся по дереву». По-чешски – «мысливец» – охотник, в древнем смысле – охотник за «мыслями» – т. е. белками⁹⁸. Теперь белки по-другому звучат по-чешски, а «мысливец» остался. Так не есть ли это просто «разбегайся, как белка по дереву» или «убегать, как белка по дереву»? «Мысль о «мысли» пришла мне в голову, когда мне было 12 лет, мы жили в Чехии, я читала «Слово о полку», а мимо ходили «мысливцы» в тираспольских сапогах и с ружьями...

⁹² Стихотворение «Идешь, на меня похожий...» (1913) из книги «Юношеские стихи» впервые опубликовано в журнале «Северные записки» (СПб., 1915. № 5–6), где после 4-й строфы следовала еще одна: «Я вечности не приемлю! / Зачем меня погребли? / Я так не хотела в землю / С любимой моей земли». В *ИБ1* включено под № 2.

⁹³ Строка 3-я второго четверостишия.

⁹⁴ «Ох! – эх! – ах!» – финальная строка из стихотворения «Молвь» («Ёмче органа и звонче бубна...», 1924). Включено в сборник «После России», под названием «Молвь» вошло в сборник 1940 г. К стихотворению относится запись в черновой тетради 1924 г., дающая ключ к пониманию этой строки: // ОХ: – когда трудно, томно, или *после* усилия. // АХ: – неожиданность, изумление, новизна, восторг. // ЭХ: – не везёт, не даётся, птица – из рук, мог бы – да... // NB! – На всякое *ох* есть *ах* – и на всякое *ах* – *эх* (СС2. С. 513).

⁹⁵ Строки из этого же стихотворения: «Словоискатель, словесный хахаль, / Слов неприкрытый кран...».

⁹⁶ «...ритм – самая *суть*... поэзии Цветаевой»? – «Я не верю стихам, которые льются. – Рвутся – да!» – утверждала она в записи 1924 г. (цит. по: С97. С. 398).

⁹⁷ Анжабеман – литературный термин (от фр. Enjambement – «перешагнуть»), представляет собой перенос части фразы из предыдущей стихотворной строки в следующую.

⁹⁸ Тратовка Ариды Сергеевны близка к истине и в корне меняет смысл этой фразы. В переводе со старославянского (чешский и русский языки входят в группу славянских языков и имеют общие корни) белка – это «мышь». Если иметь в виду эту зверюшку, то строчки из «Слова» можно прочитать следующим образом, изменяющим привычное значение рассматриваемого выражения: «Боян вещий, когда хотел сложить песнь, растекался белкой по дереву, серым волоком по земле, сизым орлом под облаками», т. е. автор «Слова», говоря современным языком, пытался собрать как можно больше информации о происходящем, бегая по дереву, как белка, находясь на земле, как серый волк, и летая под облаками, как орел. Древнерусская лексема «мышь» упоминается в значении «белка» (с пометой «*пск<овская>*») в Толковом словаре живого великорусского языка В. И. Даля (см. Т. 2. М.: Терра – Terra, 1994. С. 365).

—

Орловым не обольщайтесь – он не так умен, как Вам показалось, и вовсе не хорош. Но ловок, что и требуется. И статья ловкая.

Целую Вас, пишите.

Ваша А.Э.

14

12 апреля 1961 г.

Милая Анечка, получила из США еще один текст «Челюскинцев», отличающийся от нашего. К сожалению, женщина, переславшая мне его⁹⁹, отнеслась к делу «не научно», т. к. не сообщила, *откуда* у нее текст (рукописный мамин? машинописный с правкой, из третьих рук? и т. д.) Посылаю ей сегодня же запрос по всем этим поводам, также спрашиваю о дате написания и прошу о строгой сверке еще одной копии с имеющимся у нас подлинником (если это – подлинник).

Если у нее находится действительно подлинный беловой текст, то именно его и придется, видимо, взять за основу, т. к. в нашем распоряжении – лишь черновые варианты. Пока что переписываю Вам текст, как я его получила:

Челюскинцы

Челюскинцы! звук —
Как сжатые челюсти!
Мороз на них прет,
Медведь на них щарится.

И впрямь челюстями
(?) *Во* славу всемирную
Из льдин челюстей
Товарищи вырвали!

На льдине (не то
Что – черт его! – Нобиле! —
Родили дитё
И псов не угробили.
На льдине
Эол

Доносит по кабелю:
На льдов производ

⁹⁹ Екатерина Исааковна Еленева (урожд. Альтшуллер; 1897–1982) – дочь И. Н. Альтшуллера, жена Николая Артемьевича Еленева, историка, искусствоведа, автора воспоминаний о Цветаевой. Знакомая Цветаевой по Чехии. О ней она отзывалась так: «Существо милое, красивое, обаятельное. Она жена одного из здешних студентов» (письмо Ю. Ю. Струве от 30 июня 1923 г. – *Письма 1905–1923*. С. 578). До 1938 г. жила в Праге, Берлине, во Франции, училась в Сорбонне. В момент переписки с А. Эфрон была диктором на радиостанции «Голос Америки» в США.

Ни пса не оставили

И страсти – мечта
Для младшего возраста! —
И псов и дитя
Умчали по воздуху.

– Европа, глядишь?
Так льды у нас колются!
Щекастый малыш,
Спеленатый полюсом!

А рядом – сердит
На громы виктории —
Второй уже Шмидт
В российской истории.

Седыми бровями
Стесненная ласковость.
Сегодня – свои!
Челюскинцы – русские
Сегодня – да здравствует

Советский Союз!
За вас каждым мускулом
Держусь – и горжусь —
Челюскинцы – русские!

(даты нет)

Как видите, *всё* требует повторного уточнения: разбивка строк, пунктуация, да и весь текст. Подождем ответа. Скажем, разбивка строк, возможно, напутана в 3-й строфе, к которой, вероятно, должно отойти второе «на льдине»? Есть ли в подлиннике интервал между «да здравствует» и «Советский Союз»? В черновиках совсем другая разбивка – да и вообще различий много.

Пишу Вам в исторический – космический день¹⁰⁰. Даже на кошку произвело впечатление, и она окотилась в момент приземления ракеты; поэтому одного серенького детеныша я ей оставила на память о событии и нарекла его (кота) Космосом, конечно. Он пока имеет весьма жалкий вид.

С сожалением бросаю Вас и возвращаюсь в очертенелые лапы Лопе. Боюсь, что этот брак по расчету не принесет ни славы, ни пользы ни одной из сторон! Целую Вас.

А.Э.

Запросила также и «Роландов рог»¹⁰¹ – если он с маминого рукописного текста. Если с напечатанного – то он есть у нас, и не стоит утруждать почту.

¹⁰⁰ 12 апреля 1961 г. Советский Союз первым в мире запустил космический аппарат с человеком на борту. Пилотировал корабль «Восток-1» летчик Юрий Алексеевич Гагарин (1934–1968).

¹⁰¹ Стихотворение «Роландов рог» (1921) опубликовано в журнале «Современные записки» (Париж. 1932. № 50). В сборнике стихотворение не входило. В *И61* включено.

15

13 апреля 1961 г.

Милая Анечка, не знаю, что получилось с моим ответом на Ваше письмо, даже с ответами, я писала Вам раза три, правда, кратко все же! Письма я опускаю не сама, т. к. из-за спешки почти не выхожу из дому, но, верно, причина не в этом. На нашей почте ухитрились однажды затерять целый заказной перевод с... китайского. Так что все бывает. Я получила и книжечку, и статью, и письмо, и фотографию, и за все «померсикала» – всё пришло как раз к празднику. Еще раз спасибо. *Портретов* мамы с Муром 10-летним *нет*, может быть, только увеличенный мой же любительский снимок. Если портрет, то *после* моего отъезда (1937 год)¹⁰², т. е. уже пожилая, седая – не будет «гармонировать» с молодыми снимками. Целую.

16

16 апреля 1961 г.¹⁰³

Анечка, не знаю, как и благодарить за «Гончарову»¹⁰⁴. Это для меня просто огромная радость. Никакой «истеричности» нигде не заметила, а просто, мне кажется, что мы чудесно встретились в жизни, полюбили друг друга – я также беспокоюсь, когда умолкаете Вы... Я надеюсь и верю, что мы с Вами хорошо поработаем вместе над тем, что нам дорого обеим. Я недоверчиво отношусь, – как ни странно, – к тем, кто «любит Цветаеву», – для меня это настолько ко многому обязывающее понятие! Но вот, мне думается, что *Вы* любите так, как надо – и ей, и мне. И у Вас есть абсолютный для нее слух, т. е. та сдержанность именно, без которой невозможна абсолютная к ней любовь. Надеюсь, разберетесь в этом открыточном косноязычии. Срок сдачи Лопе неопределенно отодвинулся на осень, также неожиданно снизили построчную плату на 3 р. – немало!

Сейчас начала бешеную уборку всей зимней грязи, к которой не притрагивалась, а Лопе пока побоку. *Не увлекайтесь* Орловым, не посылайте слишком много, очень понемногу посылайте, поверьте мне! Портрет в клетчатом платье не из лучших, испорчен ретушью. Дня через 2 напишу как следует.

Может быть, в мае приедете? Спишемся.

Целую.

Ваша А.Э.

Как Тагор?¹⁰⁵ Нет ли денег? Лопе подвел...

17

19 апреля 1961 г.

Милая Анечка, это, конечно, еще не письмо, а все те же два слова наспех. Хоть и отложила «Лопу» и вроде занялась уборкой зимней пыли и паутины, но навалились еще всяческая работенка и дела, и я все еще докручиваюсь в колесе.

¹⁰² 18 марта 1937 г. А. С. Эфрон вернулась в СССР из Франции, где жила с семьей.

¹⁰³ Печаталось: С98. С. 173–174; В2. С. 100–101; Громова. С. 612, два последних – в сокращении.

¹⁰⁴ См. коммент. 6 к письму 6 от 11 марта 1961 г.

¹⁰⁵ См. коммент. 8 к письму 8 от 19 марта 1961 г.

Что у Вас неприятности были? (так называемые мелкие) Напишите! Это меня беспокоит. – Второе: есть ли у Вас мамыны «Хлыстовки» и «Башня в плюще»?¹⁰⁶ У меня есть, если у Вас нет, то будет. Третье: что это за разговоры об «живописаны»? У Вашего душеньки Орлова вообще есть тенденция «исправлять» Цветаеву, пусть она и останется при нем, не при ней же! Вы совершенно правильно сказали (за это) (не только) люблю Вас – за хороший слух! (что она *не могла* написать «описаны»). «Описаны» нет и в черновых вариантах. В черновой тетради 1-й вариант: Квиты. Вами я объедена – а зато вас высмею. И уже 2-й – окончательный для этой строфы: Квиты: вами я объедена Мною – живописаны¹⁰⁷. И в белой тетради также. Так что ни о каких «описках» не может быть и речи, это же ясно. И не вздумайте становиться на вздорный путь «товарообмена» с Орловым – я вам то-то и то-то, а уж вы, за ради Господа, позвольте восстановить цветаевское «живописаны» вместо вашей остроумной гипотезы. Тут, Анечка, и дискуссий, и убеждений никаких не может и *не должно* быть. Тут абсолютная достоверность черновиков и беловиков, на которые, только, и нужно держаться, которых – придерживаться. С Орловым будьте осторожны¹⁰⁸, не верьте его льстивостям, даже когда они совпадают с истиной, *не снабжайте* его безудержно, а очень понемногу, ибо, «выдоив» Вас, он начнет хамить. Он – человек оборотистый, *непорядочный*, и Цветаева – не первая «темная лошадка», на которую он ставит. Вывезет лошадка – он – в благодетелях, *не вывезет* – тогда держись и лошадка, и лошадики! – Так что – «Люди, я любил вас, будьте бдительны!»¹⁰⁹

Теперь: *когда* мне можно написать Орлову, что я читала его статью? Надо бы отозваться, но – читала ли я ее, или еще нет? Ответьте. Еще одна просьба: напишите, если не трудно, *что* именно из циклов «Стол», «Стихи к Чехии» вошло в сборник?¹¹⁰ То, что *не* вошло, меня просят дать в журнал. Осталось так, как в том перечне, что Орлов давно прислал мне? 1) Мой письменный верный стол 2) Тридцатая годовщина... 3) Мой письменный верный стол 4) Квиты...¹¹¹

Что идет из «Стихов сироте»?¹¹²

На днях приезжает моя Ада Александровна¹¹³, мы с ней посоветуемся о том, как у нас – ориентировочно – будет складываться время – и напишу Вам о своем мае: может быть, при-

¹⁰⁶ Очерк «Хлыстовки» (1934) впервые напечатан в журнале «Встреча» (Париж. 1934. № 6), впоследствии выходил под названием «Кирилловны». «Башня в плюще» (1933) публиковалась в газете «Последние новости» (Париж. 1933. 16 июля).

¹⁰⁷ Речь идет о строке из стихотворения «Квиты: вами я объедена...» из цикла «Стол»; «живописаны» сохранено во второй строке: «Мною – живописаны». См. коммент. 3 к письму 22 (от 16 мая 1961).

¹⁰⁸ В. Н. Орлову Ариадна Сергеевна двумя неделями раньше, 28 марта 1961 г., признавалась: «...Вы мне знакомее многих знакомых – столько думала о Вас, о книжке, о стихах, о предисловии и так желала Вам успеха во всех этих головоломностях», «Бесконечно Вам благодарна не столько за *Цветаеву*, сколько за *маму*...» и т. д. (В2. С. 96).

¹⁰⁹ Слова Юлиуса Фучика (1903–1943) – чехословацкого журналиста, литературного и театрального критика, члена компартии Чехословакии. В апреле 1942 г. он был арестован гестапо. Находясь в пражской тюрьме Панкрац, написал книгу «Репортаж с петлей на шее» (в русском переводе «Слово перед казнью»), строка из которой: «Люди, я любил вас. Будьте бдительны!» – стала символом антинацистского движения и крылатой фразой. За эту книгу Фучик был удостоен (посмертно, в 1950 г.) Международной премии Мира.

¹¹⁰ Из «Стихов к Чехии» в *ИБ1* вошли два стихотворения из цикла «Сентябрь» («Есть на карте место...» и «Один офицер») и целиком цикл «Март».

¹¹¹ Все перечисленные стихотворения вошли в *ИБ1*.

¹¹² Цикл «Стихи сироте» включен в *ИБ1*.

¹¹³ Ада Александровна Шкодина (урожд. Федерольф; 1901–1996) – мемуаристка, друг и наперсница А. С. Эфрон. Отец – доктор медицины, мать – преподаватель музыки, оба коренные петербуржцы. В 1924 г. Ада Александровна вышла замуж за англичанина и уехала с ним в Англию. Он остался в Англии, а она вернулась на родину, в Москву, в 1927 г. преподавала английский язык в московских институтах. В 1938 г. была арестована по подозрению в шпионаже на восемь лет исправительно-трудовых лагерей. Вышла второй раз замуж за Дмитрия Осиповича Шкодина, тоже отбывшего срок (он был назначен директором лагерного инвалидного дома в Магадане), но вскоре развелась. После отбытия срока ей не было разрешено жить в Москве, и она устроилась в 1947 г. в Рязани преподавателем английского языка в педагогическом институте. В октябре 1948 г. была повторно арестована без предъявления обвинения. Познакомилась с А. С. Эфрон в рязанской тюрьме в 1949 г. Затем они обе были отправлены в Туруханск в ссылку. В 1957 г. Шкодина реабилитирована за отсутствием состава преступления. Вернулась в Москву. Жила в комнате в коммунальной квартире на Комсомольском проспекте (дом 49, квартира 23). Лето проводила в Тарусе с Алей. После ее смерти готовила к передаче в РГАЛИ личный архив Ариадны Сергеевны. Автор воспоминаний о ней (Федерольф А.А. Рядом с Алей. Воспоминания. – М., 1996. С 201–342).

едете к нам отдохнуть в свою свободную недельку? Только лучше бы к середине или концу месяца, чтобы было теплее – если вытерпите столько с отдыхом! – Чтобы можно было погулять, посмотреть мамины места, а не угнетаться холодом и непогодой. Об этом спишемся. Целую Вас. Пишите!

Ваша А.Э.

18

21 апреля 1961 г.

Милая Анечка! Каким образом «Челюскинцы» попали к Кате¹¹⁴ (будем ее так звать, ибо отчество ее не знаю) – мне неизвестно, спрашиваю ее об этом. Может быть, непосредственно от мамы, может быть, из третьих – но, несомненно, достоверных – рук. Хорошо, что наша переписка идет через Францию, а то с кубинской заварухой¹¹⁵ могут там ввести цензуру на письма сюда, они черти злые. Катя – мамина приятельница, хорошая женщина; обожала и обожает моих родителей. Собрала много маминого, но не «по-научному»; многое, без указания источников, без дат. Надеюсь, что про «Челюскинцев» всё от нее узнаем. Стих ведь был закончен – тогда, а при переписке в 1936 г. мама оказалась или недовольна некоторыми местами, или еще по каким-нибудь соображениям не вписала их.

Относительно «enjambement» писала лишь, что в этом слове у Орла выпала буква «м» – «обнакновенная» опечатка, но смешная. И дальше больше ничего. Пусть себе спотыкается на перешагиваниях, мама-то никогда не спотыкалась¹¹⁶.

Относительно Иры¹¹⁷ – я, верно, не сумела выразить членораздельно свою мысль. Не о хорошем настроении шла речь, а о том, что «она своей судьбой довольна» – так она писала. И это меня и встревожило, ибо как раз и означает, что *жизнь* она считает конченной. Как говорит протопоп Аввакум¹¹⁸ – «кончилась *жизнь*, начинается *житие*». Я бы как раз предпочла бы, чтобы она хоть в чем-то была дочерью своей матери, которая отнюдь «судьбой недовольна» и стремится – в мечтах – «на волю, на волю, в пампасы»¹¹⁹. Девочка как раз куда глубже и сложнее, чем мне бы для нее хотелось... А сейчас их обеих куда-то перегнали, куда – еще неизвестно. А.А. скоро будет здесь, так что привет передам.

С «Лопой» получился финал вовсе неожиданный: ввиду отсутствия бумаги срок сдачи работы перенесли с 1 мая на 1 октября (это значит деньги будут в 1962 г.!) и... договор переклЮчили, скинув по 3 р. со строчки, на чем и теряю 9 тысяч – которых жалко, ибо в них была свобода, передышка от переводов, можно было заняться маминими и своими делами. Вроде сообразили, что издание получится дефицитным и сделали такой красивый номер. Очень обиделась, кинула неоконченную Лопу в сторону, пожалела о месячной неотрывной и никому не нужной работе, а главное, увы, о долгом и упорном безденежье. Стала убирать запущенный из-за Лопы обратно же – домишко, и уж не знаю, на каком сквозняке застудила плечо и руку,

¹¹⁴ Е. И. Еленева.

¹¹⁵ Так называемый Карибский кризис, участниками которого были США, СССР и Куба. США разместили ракетную базу в Турции и устроили блокаду Кубы. В ответ СССР построил на Кубе комплекс ядерных ракет. Впоследствии кризис был ликвидирован благодаря дипломатическим усилиям СССР и США.

¹¹⁶ См. письмо 13 от 11 апреля 1961 г. и коммент. 8 к нему.

¹¹⁷ И. И. Емельянова.

¹¹⁸ Аввакум Петров (Петрович) Кондратьев (1620–1682) – священник Русской церкви, протопоп, идеолог старообрядчества, противник церковной реформы патриарха Никона. За религиозную деятельность был сослан, заточен в тюрьму и казнен (сожжен). Автор собственной автобиографии «Житие протопопа Аввакума, им самим написанное». Приводится цитата из его книги.

¹¹⁹ «На волю, на волю, в пампасы». – Из книги «Золотой теленок» И. Ильфа и Е. Петрова (приключения бухгалтера Берлага в сумасшедшем доме).

а уже неделю ужасно больно, съела весь анальгин, пирамеин, тройчатку, теперь добралась до слабительных и крепительных, – никакого ни с какого боку результата. Единственная прибыль в доме – кошка окотилась. Не нужно ли роскошного пушистого голубого котенка, мальчика? Зовут Космос, ибо стартовал вместе с Гагариным (которого один скоропалительный оратор по радио впопыхах всё «Гагановым» звал!). Целую Вас. Будьте, не в пример мне здоровы и умны.

Ваша А.Э.

19

30 апреля 1961 г.

Милая Анечка, спасибо за письмо – увы, отвечаю опять в телеграфном стиле, т. к. рука еще болит, хоть и менее сильно. Это, очевидно, никакая не простуда, а отцово невралгическое наследство. Я ведь сибирячка, закаленная от простуд!¹²⁰ Тагор мною давно получен, еще раз за него спасибо, он, хоть и не заказной, дошел вовремя и без потерь. Жаль, что «Космос»¹²¹ Вас не соблазнил. Он, правда, уже не «Космос», а «Бабуин» – рожица у него получается бабуинская, очень смешная; Бог весть, как его окрестят будущие владельцы. Пока им безраздельно владеет мама – Шушка, добрая, милая кошечка, только болтуня ужасная, влезает в каждый разговор со своими репликами.

Фамилии Молчановой и Тихомирова¹²² ничего мне не говорят, с Сеземанами¹²³ – сыном и с Эйсером¹²⁴ знакома, но с последним не встречалась здесь ни разу, а с первыми вижу очень редко и очень случайно.

Маминого портрета в Париже – до 37-го года никто не писал, с 37-го по 39-й – не знаю, не слыхала¹²⁵. Единственный портрет – карандашная зарисовка, которую я Вам показывала, –

¹²⁰ Имеются в виду годы пребывания в туруханской ссылке.

¹²¹ Котенок. См. письмо 18 от 21 апреля 1961 г.

¹²² Молчанов, Тихомиров – лица неустановленные.

¹²³ Алексей Васильевич Сеземан (1916–1989) – старший сын Антонины (Нины) Николаевны Клепининой (урожд. Насоновой, в первом браке Сеземан; 1894–1941) и Василия Эмилевича Сеземана (1884–1963) – российского, литовского философа, арестован (реабилитирован в 1958 г.). Сеземан Дмитрий Васильевич (1922–2010) – ее младший сын, переводчик, литературовед, писатель. Эмигрировал во Францию. Приемный отец – историк, журналист Николай Андреевич Клепинин (1899–1941), соратник С. Я. Эфрона по конспиративной работе в НКВД. Алексей Сеземан работал в «Revue de Moscou» одновременно с А. Эфрон. Был арестован в 1938 г., отбывал наказание в Коми АССР, освобожден весной 1943 г. В 1957 г. реабилитирован. Автор воспоминаний «Посвящается Марине Цветаевой» (Москва, 1991). В 1948 г. А. Эфрон писала Л. Бать из Рязани: «Алешу, пожалуйста, не целуй и не благодари – мне вообще не хочется, чтобы он знал обо мне что бы то ни было» (НД. С. 128). Дмитрий Сеземан оставил весьма некомплементарные воспоминания о пребывании семьи Клепининых и Цветаевых-Эфрон в Болшево (Сеземан Д. На болшевской даче. Из воспоминаний. – *Болшево*. С. 244–251).

¹²⁴ Алексей Владимирович Эйсер (1905–1984) – поэт, переводчик, прозаик. Дружил С. Я. Эфроном. Цветаева познакомилась с ним в 1932 г., и он ей «решительно нравился» (из письма к А. А. Тесковой от 8 апреля 1932 г.). Участник Испанской войны 1936–1939 гг., был бойцом 12-й Интернациональной бригады, адъютантом ее командира Матэ Залки – генерала Лукача. Сотрудник советской разведки. В 1940 г. вернулся в СССР, был арестован. В 1956 г. реабилитирован. Занимался переводами, журналистикой. Автор воспоминаний о Цветаевой «Она многое понимала лучше нас...» (ГЭ. С. 202–212). Сохранилось письмо Цветаевой к А. Эйсеру от 3–4 октября 1934 г., в котором она отвечала на его упрек в том, что не откликнулась на подвиг участников героической экспедиции парохода «Челюскин». «А теперь я написала Челюскинцев, не я написала, сами написались, и посвящала их – возвращала их – Вам» (Письма 1933–1936. С. 297).

¹²⁵ Один из последних известных портретов М. Цветаевой (Клармар, 1931 г.) принадлежит художнику Георгию Калистратовичу Артемову (1892–1965). Он и его жена, художница Лидия Андреевна Никанорова (1895–1938), были соседями Марины Цветаевой по дому в Клармаре. Второй портрет (1933 г., акварель) Цветаевой принадлежит кисти русского художника, живописца и скульптора Бориса Федоровича Шаляпина (1904–1979), старшего сына Федора Ивановича Шаляпина и его жены Илоны Игнатьевны Шаляпиной-Торнаги. Находится в Художественном музее Тарусы. Еще один прижизненный портрет (картон, масло) Цветаевой – работы Николая Дмитриевича Милиоти (1874–1962) – приписывается парижскому периоду ее жизни. Относительно датировки этого портрета существуют разные версии. На портрете из коллекции семьи Милиоти, который экспонировался в Москве в 2020 г. на выставке «Неизвестный Николай Милиоти» («*emphasis*» так! – 2 «л») в Доме русского зарубежья, на выставочной табличке указан год и место создания – 30-е годы, Париж (на самой картине дата плохо читается). Однако никаких упоминаний о встрече Цветаевой и Милиоти во Франции найти не удалось (см. также настоящая

художник Билис¹²⁶ (он же мужчина, а не женщина). Дореволюционные портреты были. Тут, в Тарусе, у меня есть скульптурный бюст¹²⁷ мамы лет 22-х, работы Надежды Крандиевской – гипсовая копия мраморного, который находится у нее.

Есть ранний портрет Натана Альтмана¹²⁸, которого – ни Альтмана, ни портрета не видела. Есть, опять же ранний, силуэт – работа действительно художницы¹²⁹, а не художника – у меня есть снимочек.

Жаль, что взяли для книжки портрет в клетчатом платье, т. к. это (то, что было у Крученых¹³⁰) переснимок с переснимка, появлявшегося в печати и плохо отретушированного, сходство там было очень искажено, воображаю, что дала вторичная – гослитовская – ретушь!

Орлову еще не написала, и правда – то рука, то нога... а главное – пороку нет писать ему, а надо. Вы тогда написали, что он просил мне переслать статью уже после замечаний (?) исправлений (?) главной редакции, и я все чего-то ждала, а теперь плохо соображаю – получила ли я ее в первоизданном виде (статью), или уже во второй инстанции, и вообще – получила ли? Мы там чего-то стали врать и заврались. Т. е. я – завралась. А в чем – сама не знаю. Не только руки-ноги, но и голова «отказывает».

«Лестницу»¹³¹ и «Лебединый стан» я, действительно обещала, но выполню ли – еще посмотрю. (Это – перечитывая Ваше предыдущее письмо, на которое телеграфно отвечать не хочется.) Ибо я с легкостью необычайной могу выполнить не обещанное и не выполнить обещанного (Вас это не касается).

В Москву меня совершенно не тянет. Я ужасно устала – очухаюсь, тогда соберусь. А Вы приезжайте ко мне сюда¹³², числах в 15-х – 20-х, или еще ближе к концу месяца (в общем,

письмо А. С. Эфрон). Существует и другая версия, подтверждением которой служат некоторые косвенные факты. Поэт и художник могли видеться в Берлине во Дворце искусств, одним из членов Совета которого был Н. Д. Милиоти (жил в Берлине с 1921 г., в ноябре 1923 г. переехал в Париж). Цветаева находилась в Берлине с 15 мая по 31 июля 1922 г. 19 мая 1922 г. она читала в Доме искусств свои стихи и стихи Маяковского (<emphasis>C97</emphasis>. С. 301). Так что можно предположить, что тогда в Берлине в 1922 г. и был создан портрет Цветаевой. Об этом портрете из собрания Е. Ю. Милиоти есть упоминание в статье «Неизвестный Николай Милиоти» Саратовского государственного художественного музея имени А. Н. Радищева, где 1922 г. указывается как дата его создания. <https://radmuseumart.ru/projects/multicollection/Millioti/detail.html>

¹²⁶ Аарон (Арон) Львович Билис (1893–1971) – художник. Автор более чем 2000 портретов знаменитых людей своего времени (см., например: *Фотолетопись*. С. 231–233)). Карандашный портрет Марины Цветаевой выполнен в 1931 г. На листе рукой Цветаевой надпись: «Теперь уже нельзя сказать: “Нам остается только имя!” Аарону Львовичу Билису – на память о тяжком (для него!) сеансе (“смейтесь!”, “смейтесь же!”). Вечер 30-го мая 1931 г. Париж. Марина Цветаева» (Русские портреты Аарона Билиса / Под общ. ред. Л. Мнухина, в сотрудничестве с Н. Будускье-Билис и М. Кастельну. – Дом-музей М. И. Цветаевой в Болшеве (Королев), Дом-музей Марины Цветаевой (Москва), 2017. С. 69. По воспоминаниям внучки художника Надин Будускье-Билис, дед рисовал портреты за один сеанс, в течение 2–3 часов, затем делал с них репродукции и приносил своим моделям с просьбой надписать. Поэтому почти на всех портретах имеются автографы портретируемых.

¹²⁷ В 1915 г. Надежда Васильевна Крандиевская (1891–1963) выполнила скульптурный портрет М. Цветаевой (в трех вариантах: в мраморе, бронзе и цветной керамике). Мраморный вариант находится в Архангельском областном музее (сведения Л. Мнухина), керамический – в Государственном литературном музее (филиал «Дом Брюсова»). О бронзовом портрете сведений найти не удалось. Крандиевская дружила с Мариной Цветаевой, часто бывала в кружке сестры ее мужа – Елизаветы Яковлевны Эфрон (Лили).

¹²⁸ Натан Исаевич Альтман (1889–1970) – живописец, художник-авангардист (кубист), скульптор и театральный художник, заслуженный художник РСФСР (1968), мастер портрета. Широко известен созданный им портрет Анны Ахматовой (1914 г.). Портретов М. И. Цветаевой он не писал.

¹²⁹ Елизавета Сергеевна Кругликова (1865–1941) – художница, график, мастер эстампа и силуэта, педагог. Создала галерею силуэтных портретов современников, среди них есть и М. Цветаева (1922 г.).

¹³⁰ Алексей Елисеевич Крученых (1886–1968) – поэт-футурист, художник, издатель, коллекционер. Собирали материалы о знаменитых поэтах, художниках, актерах. В его коллекции содержится около 800 листов документов (рукописей, фотографий, текстов стихов и прозы), посвященных творчеству М. И. Цветаевой. С 1930-х гг. Крученых начал передавать материалы своей коллекции в Литературный музей и ЦГАЛИ (ныне РГАЛИ). Но он приобретал книги не только для собирательства, но и на продажу – начиная с середины 1930-х гг. это был основной источник его существования.

¹³¹ «Лестница» (1926) – опубликована в журнале «Воля России» (Прага. 1926. № 11, под заглавием «Поэма лестницы»).

¹³² В воспоминаниях («И берег милый для меня») Татьяна Щербакова, жена режиссера Юрия Щербакова (см. о нем. коммент. 10 к письму 54 от 15 ноября 1962 г.) и соседка А. Эфрон, описывала ее тарусский домик и его обитателей: «Срубленный из тонких осиновых бревен, он выглядел очень скромно. Три ступеньки, маленькое крылечко, крохотные сени – и вы попадаете в первую половину дома. Кушетка, столик, печка с плитой – это была и кухня, и комната Ады Александровны. Разгоро-

чем теплее и солнечнее – тем лучше) – если можете взять отпуск в это время и нет других планов. В любое время после 15-го. Напишите, что об этом думаете, я Вам расскажу, как до нас добраться. Если сумеете совместить отпуск с хорошей погодой, будет просто гениально. Таруса очень хороша *до* дачников. А.А. приехала, входит в тарусскую колею. Шлет Вам привет. Целую Вас.

Ваша А.Э.

20

1 мая 1961 г.¹³³

Милая Анечка, я очень огорчена тем, что, получив мою дурацкую и невнятную весточку, Вы уже, очевидно, предприняли какие-то шаги в Восточной редакции. Напрасно. Я отказалась от переводов Тагора не из-за занятости, а потому, что они у меня не получаются. Оттого, что я сейчас располагаю свободным временем, дело, по-моему, не меняется. И тогда, когда я делаю переводы, лежащие у Вас в столе в той маленькой книжечке, у меня было достаточно времени, однако они, *по общему* мнению, вышли дерьмовые. Значит, не во времени дело. Если Вам любопытно, посмотрите у Ярославцева¹³⁴ стенограмму обсуждения моих тагоровских переводов – и тон их и сущность скажут Вам больше, чем мой эпистолярный лепет. Сашка Горбовский¹³⁵ просто небольшой подлец и как таковой для меня не в счет, но с мнением других я обязана считаться – хотя бы внешне! Я не собираюсь пользоваться отчаянным положением второго тома, Шервинского¹³⁶, Ярославцева и еще какой-то дамы, чтобы ввинтиться в эту редакцию; не собираюсь латать дыры, оставленные Ахматовой¹³⁷ и Тушновой¹³⁸; найдутся и без меня охотники. Стара я, чтобы себя ломать – и так вся переломленная. К тому же только что отработала 4 месяца без перерыва по 14 часов *ежедневно* – единственный отдых был – считка с Вами маминой книжечки. Я устала и еле дышу, и мне также мало дела до Тагора, как и ему до меня. Пусть другие причесывают ему бороду на русский лад – желаю им успеха.

Отдышусь, «довежу до ума» злополучную Лопу, а там видно будет – или не будет.

В Москву я в ближайшее время не поеду и заботиться о хлебе насущном не буду – Бог подаст, а не подаст – значит его и вправду нет.

Очень жду Вас в Тарусу – об этом писала Вам и жду Вашего ответа. Будем вместе соображать, где было «ихнее гнездо хлыстовское»¹³⁹ по указанным мамой приметам, часть которых сохранилась и по сей день.

жен дом дощатой стенкой, не доходящей до потолка, и холщовой занавеской, вышитой крестом. Вторая половина состояла из проходной столовой и угла, где была комната Ариадны Сергеевны. Комната была и спальней, и рабочим кабинетом. Стол у окна, кушетка, несколько стульев, шкафчик, тумбочка. В этой комнате была дверь на маленькую террасу. Наверху, куда вела наружная лестница, была еще мансардная холодная комната для приезжающих, для гостей. Это описание не передает ощущения целесообразности, порядка и, главное, уюта и теплоты, которые были в доме. Не сразу можно определить, чем создавалась эта атмосфера. Множество букетиков, каждый составленный на свой манер, кошка Шуша, удивительная своим мяуканьем с человеческими интонациями, деревенские половики, ситцевые симпатичные занавески. Нет, дело было не в этом, а в том, как чувствовали себя, как ощущали свой дом хозяйки. Было очевидно, что им здесь нравится, что им светло, хорошо. Эти стены не ограничивают их, а защищают». <http://www.radnews.ru>

¹³³ Печаталось: В2. С. 101–102; Громова. С. 615–614, в обоих изданиях – с сокращениями.

¹³⁴ Геннадий Борисович Ярославцев (1930–2004) – переводчик, специалист по Китаю. Работал в издательстве «Художественная литература» (до 1990 г.).

¹³⁵ Александр Альфредович Горбовский (1930–2003) – историк, публицист. Переводил Р. Тагора.

¹³⁶ Сергей Васильевич Шервинский (1892–1991) – поэт, переводчик, писатель, искусствовед, автор книг для детей.

¹³⁷ А. Ахматова, как и многие другие поэты (как и М. Цветаева в 1940–1941 гг.), стала переводчиком поневоле (когда их собственные вещи не печатали). Она перевела поэтические произведения 150 поэтов с 78 языков.

¹³⁸ Вероника Михайловна Тушнова (1911–1965) – поэтесса и переводчица. Член Союза писателей СССР (1946). Переводила с многих языков самых разных поэтов, среди которых и Р. Тагор.

¹³⁹ Хлыстовское кладбище на крутом берегу Оки в Тарусе не сохранилось.

Есть к Вам одна наглая просьба: если не очень трудно, перешлите одного пресловутого Тагора по адресу: Москва Г-69, Мерзляковский переулок 16, квартира 27. Елизавете Яковлевне Эфрон. Это старшая сестра моего отца, мама называла ее «солнцем нашей семьи». Если хотите взглянуть на это солнце, пока не закатилось, и пока оно – (ей много лет), то зайдите, предварительно позвонив (К 5-59-94) <и> объяснив, что Вы несете книжечку по моей просьбе, Вы увидите женщину, которая сохранила мамин архив, и конуру, в которой мама жила с Муром *вдвоем* после нашего с отцом ареста. Это темная прихожая перед теткиной комнатой. Взглянув – Вы еще что-то поймете в маминой жизни. И в моей, может быть. Ибо это и *моя* конура. Тете я посылаю открыточку, что Вы или пришлете книжечку или занесете.

Приехать сюда можно после 15 мая, в любое время между 15–31, только предупредите. Не только можно, но и нужно. (Приехать.) Целую Вас, спасибо за всё.

Ваша А.Э.

Мой адрес: не «Таруса 1 Дачная» и т. д. а *Таруса* 1-я Дачная ул. Дачных ул. у нас три – из них моя – первая!

21

15 мая 1961 г.¹⁴⁰

Милая Анечка, я в таком обалдении, что не помню, написала ли Вам в ответ на Твардовского, или, мысленно поговорив, на этом успокоилась? Так или иначе, все получила, за все спасибо. Твардовский *очень* хорош – не ожидала – а относительно Андрюши Вознесенского просто пришла в восторг – *то самое*¹⁴¹. Только почему он не понял, что у беременной под шалью?¹⁴² Хорошо хоть не усомнился в поэмах. А что дальше слышно?

Может быть, к концу месяца приеду на коротко в Москву, может быть, и нет, а Вас ждем в начале июня, надеюсь, что ничего не помешает. Сейчас дожди, соловьи, черемуха.

Обнимаю Вас.

Ваша А.Э.

22

16 мая 1961 г.¹⁴³

Милая Анечка, только вчера отправила Вам какую-то сомнительную открытку – то ли писала Вам, то ли не писала в ответ на рецензию Твардовского¹⁴⁴ – плодом этих горестных раздумий и явилась открытка, а сегодня получила следующую Вашу весточку, и опять надо утомленному лентяю браться за перо. Чем мне за семь верст киселя хлебать – учитывая, что опять дождик – до почты, где прямая связь с Москвой только что-то около двух неудобнейших часов в сутки, а остальное время надо пытаться «связаться» через Калугу, может быть, проще

¹⁴⁰ Печаталось: В2. С. 108.

¹⁴¹ Андрей Андреевич Вознесенский (1933–2010) – один из известнейших поэтов середины XX в. Очевидно, Ариадна Сергеевна имела в виду не рецензию Твардовского, напечатанную в «Новом мире», а внутреннюю его рецензию (которая являлась основой новомировской, но была напечатана с некоторыми сокращениями) на рукопись книги «Избранное». Там во фразе «Кстати, когда некоторые особенности стиха Цветаевой (рифмы, ритмы, звукопись) станут общим достоянием <...> откроется один из источников завлекающего простаков “новаторства” некоторых молодых поэтов наших дней» вместо «некоторых молодых поэтов наших дней» указаны имена этих поэтов: «Вознесенских, Евтушенко и т. п.» (В2. С. 108).

¹⁴² Имеются в виду строки второго стихотворения Цветаевой «Запечатанный, как рот оракула...» из цикла «Под шалью» (1924): «Женщина, что у тебя под шалью? / Будущее!».

¹⁴³ Печаталось: С98. С. 176–178; В2. С. 109; Громова. С. 619–620, во всех изданиях – с сокращениями.

¹⁴⁴ См. коммент. 2 к письму 21 от 15 мая 1961 г.

будет Вам послать мне телеграмму? Хорошо было бы, чтобы Вы ее дали, узнав у Орла, до какого числа он будет в Москве и вообще желает ли меня лицезреть в этот заезд. Он мне писал, что будет в Москве в июне. Отменяет ли его майский – возможно, скоропалительный заезд в Москву июньскую поездку? Мне ведь отсюда выбраться не так быстро, и нужно было приехать ближе к концу месяца, и если Орлов приедет на 2–3 дня, мы рискуем с ним разминуться. А вообще-то я, конечно, рада буду его повидать, он много сделал для маминой книжки и многое принял близко к сердцу, что не так-то часто встречается у людей пожилых и многоопытных!

Насчет «живописаны»: я Вам дала все сведения по этой строке¹⁴⁵ – черновые и беловые варианты (беловой Вы, по-моему, сами видели), с Вас и спрос. Макаровские же и Орловские соображения по этому поводу мало меня интересуют¹⁴⁶. Только на моей памяти (Вас еще тогда на свете не было) одного из гослитовских редакторов сняли-таки с работы за замену пушкинской «птички божьей» (не знающей ни заботы, ни труда)¹⁴⁷ «птичкой вольной». Дело было в 23-м, фамилия пострадавшего – Калашников (и Пушкин).

Относительно Вашего приезда: разбивайтесь в лепешку, но не откладывайте – вдруг что-то помешает Вам или мне! Надо непременно застать хоть хвостик ранней весны, соловьев, цветение сирени, разнообразие оттенков молодой листвы, пока она не смешалась еще в одну сплошную, общую и ничью, зелень. И меня надо Вам застать, пока я еще несомненно жива, и прогрессирующий идиотизм не завладел мною окончательно.

Увы, после маминой смерти, и более близкой по времени и пространству (когда мама умерла я ведь сама была «по ту сторону») – смерти Бориса Леонидовича я твердо убедилась в том, что и сама непременно умру. Раньше, даже на самом краешке жизни, я не задумывалась о том, что и мои дни сочтены. А теперь знаю, что прожито уже много-много, осталось мало-мало, и надо торопиться. Торопиться же что-то не хочется.

Сейчас цветут вишни, сливы, черемуха. Я уже несколько раз навещала домик маминого детства – и очень хорошо, т. к. «отдыхающие» еще не наехали (домик на территории Дома отдыха) и было пустынно и тихо. Вокруг дома растут четыре высоченных ели, когда-то посаженные дедом в честь четверых его детей¹⁴⁸.

Побывала и на могиле Борисова-Мусатова (он умер в этом же цветаевском доме и похоронен неподалеку)¹⁴⁹. Там чудная скульптура Матвеева¹⁵⁰ – и какой вид на Оку!¹⁵¹

¹⁴⁵ См. коммент. 2 к письму 17 от 19 апреля 1961 г.

¹⁴⁶ Александр Николаевич Макаров (1912–1969) – один из самых влиятельных критиков 1960-х гг., член Комиссии по литературному наследию М. Цветаевой, считал, что Цветаеву «необходимо ввести в литературный обиход» и «не только ее имя, но и творчество», но в то же время он утверждал, что «широкой популярности ее стихи не завоеуют, им скорее не “настанет свой черед”, а прошел черед», ибо для нее свойствен «крайний индивидуализм, сознательная глухота к общественным вопросам, народным нуждам, воспевание плотских радостей, любви и гибели» (В2. С.143). Он и В. Н. Орлов полагали, что надо читать: «мною ж вы описаны». В публикации сохранился цветаевский вариант: «живописаны».

¹⁴⁷ Четверостишие из поэмы А. С. Пушкина «Цыганы». Редактор Калашников убрал слово «божия» из пушкинского текста в 1923 г., вероятно, опасаясь гнева цензуры: упоминать Бога в те времена не рекомендовалось, так как велась антиклерикальная кампания.

¹⁴⁸ И. В. Цветаев любил Тарусу, там им была арендована дача «Песочное», где начиная с 1892 г. каждое лето отдыхала семья. Вокруг дачи он посадил четыре ели в честь рождения каждого из своих детей. Рассказывают, что в 1941 г. произошла почти мистическая история: сразу после гибели Марины Цветаевой в Елабуге засохла ее ель в Тарусе. Эта история легла в основу рассказа А. И. Цветаевой «Елка».

¹⁴⁹ Виктор Эльпидифорович Борисов-Мусатов (1870–1905) – художник, живописец, воспеватель дворянских усадеб. С 1905 г. жил в Тарусе. Дача с осени 1903 г. пустовала, так как И. В. Цветаев вместе с семьей из-за болезни жены несколько лет подряд проводил за границей. Он, возможно по просьбе В. Д. Поленова, предоставил дачу для жилья семье Борисова-Мусатова. Виктор Эльпидифорович собирался прожить там до ноября. Видимо, художник хотел закончить работу над картиной «Реквием» именно в Тарусе. Однако этому не суждено было сбыться: 26 октября (8 ноября н. ст.) 1905 г. его не стало. Могила для художника была устроена не на городском кладбище. Его похоронили недалеко от дачи «Песочное», на высоком берегу полубившейся ему реки Оки (так называемый Мусатовский косогор). Неподалеку находится кенотаф (надгробный памятник в месте, которое не содержит останков покойного, своего рода символическая могила) Марины Цветаевой.

¹⁵⁰ На могиле В. Э. Борисова-Мусатова в 1910 г. установлен памятник работы его однокашника скульптора Александра Терентьевича Матвеева (1878–1960), представляющий собой постамент из красного гранита, на котором высечена фигура

Целую.

Ваша А.Э.

23

20 мая 1961 г.¹⁵²

Милая Анечка, не надо так буквально принимать мои слова – савана я еще себе не приготовила. И вообще есть мысли, которые лучше держать при себе, потому что разьяснять их трудно, а комментарии они, очевидно, требуют. Я Вам скажу только, что пока близкие – живы, смерть – понятие отвлеченное. Когда она начинает косить вокруг тебя, то ты *убеждаешься* в реальности того, что всегда знал, но – исподволь. Но, конечно, *говорить* об этом так же некрасиво, как и «быть знаменитым». Иногда невольно думаешь вслух – как говоришь во сне; что поделаешь! Я все чаще говорю и делаю глупости, увы, наяву.

Тонкие нюансы произношения старо- или новомосковского все равно не спасают «гагаринского» стихотворения¹⁵³: сьрать ли, сьрать ли, все равно нехорошо, еще хуже знаменитого Маяковского примера «Мы ветераны, мучат нас раны»¹⁵⁴.

В мае я, вероятно, приеду, на днях, ненадолго, за деньгами в основном.

Никакие «живописаны» я «спасать» не буду, ни совместно, ни приватно. Печатать стихи умерших поэтов надо строго по тексту, без измышлений и предположений – на последние, в крайнем случае, существуют комментарии. Текст Вы видели, могу показать еще раз – и в белом, и в черновом варианте. Орлову ни черта показывать не буду – Вы редактор, Вы и барахтайтесь; да еще редактор «классики». Учитесь обращаться с текстами как следует с молодых ногтей и не поддаваться инородным влияниям.

Насчет Вашего приезда в Тарусу – конечно, приезжайте, когда Вам удобно, ближе к делу сплешемся, чтобы удобно было «обоим сторонам». Дело в том, что может наехать всякий – разный народ, с которым Вам будет не так-то интересно, но будем надеяться, что все образуется. И Таруса к Вашему приезду окажется на месте во всяком случае – во всем своем великолепии. Жаль только, что сирень отцветет – как она хороша!

Пересылаю Вам письмоцо Кати¹⁵⁵ относительно «Челюскинцев» и «Роландова рога». Вот тут придется подумать, как быть с текстом; и тот и другой, несомненно, мамины, хотя Катин «из неоткуда». Простите ей описки и опечатки – за 40 лет отсутствия язык забывается, тем более, что все они, тамошние, уже старые, пишут до сих пор «по-старому», с ятями, и стараются писать по-нашему, чтобы дошло... Письмецо мне потом пришлите. Надо будет ответить.

Что за концовка Вашего письма: «надеюсь на скорую встречу – здесь или там»?

Давайте уж лучше здесь!

Целую Вас

спящего мальчика («Уснувший мальчик»). Существует легенда, что Борисов-Мусатов сильно простудился после того, как бросился в Оку спасать тонущего мальчика. На торцевой части постаменты вырублено: «1870–1905»; на лицевой: «Борисов-Мусатов» и православный крест.

¹⁵¹ «Этот дом цветаевский я – тем же или следующим летом – сфотографировала, – вспоминала А. А. Саакянц. – Потом его уничтожили. Остатки фундамента пошли под танцплощадку. С той поры Ариадна Сергеевна больше никогда туда, в Песочное, не ходила» (С88. С. 106).

¹⁵² Печаталось: В2. С 110, с сокращениями.

¹⁵³ См. письмо 25 с «гагаринскими стихами» от мая-июня.

¹⁵⁴ В. В. Маяковский в статье «Как делать стихи» (1926), адресованной начинающим поэтам, привел пример неудачной строки стихотворения Эмиля Верхарна «Мор» в переводе В. Я. Брюсова (опубликованного в журнале «Наши дни»): «Мы ветераны, мучат нас раны». Маяковский несколько неточно цитирует стихотворение: «Матушка смерть! Это мы – ветераны. / Старые, дряхлые, мучат нас раны».

¹⁵⁵ Е. И. Еленева.

Ваша А.Э.

24

<Июнь 1961 г.>¹⁵⁶

Анечка, воистину два слова, т. к. разболелась рука (застудила). Вы знаете, любовь – к человеку, к поэту – одним словом – любовь это такая же тайна и такой же дар Божий, как талант, и что тут можно объяснить. Стихов я тоже не только не люблю – не выношу! и никогда не читаю (стихов «вообще»). Люблю трех-четырех поэтов во всей их совокупности, что ли (поэтов со стихами вместе). – На маму я совсем не похожа, и совсем другой породы (отцовской), и не лучший ее представитель. Но печать свою мать на меня поставила, как в Песне Песней¹⁵⁷. Она бы очень любила Вас, больше того, именно в Вас она нуждалась. Откуда я знаю? Да дело в том, что (без всякой мистики, я к этому не склонна!) она мне многое в жизни говорит, может быть, больше, чем при жизни. Горько, что Вы с ней не встретились, хорошо, что встретились со мной. Я многое Вам расскажу и доверю.

А.А. приедет завтра, я ей рада. О Вашем приезде споемся, очень хочется, чтобы была хорошая погода, и Вы увидели Тарусу – колыбель маминого творчества – во всей ее красе. Кроме того, через забор продемонстрирую Вам мамину старшую сестру Валерию¹⁵⁸, старую чертовку, истинную ведьму, *стоит посмотреть*. Ужасная подлюга.

—

Спасибо за Тагора, купите еще парочку, если не трудно – пошлю в США за «Челюскинцев». Эти мои переводы так ругали, что я больше и носу не кажу в Восточную редакцию и к последующим изданиям не имею уже отношения. Из-за робости и гордости обнищала и отощала и вообще, кажется, перехожу на пенсию... Ады Александровны. Скоро напишу.

Пока целую.

Ваша А.Э.

25

<Июнь 1961 г.>

Милая Анечка, приезжайте, когда Вам удобно, четвертого так четвертого. Конечно, на этом Вы теряете цветение – яблонь, вишен, сирени, но застанете «хвосты» соловьиного пения и, может быть, ландыши. А так – Таруса хороша и в июне, лишь бы не раскапризничалась погода. Спасибо большое за вьетнамцев и за Рембо, оба очень мило изданы, но внутрь лучше не заглядывать. Рембо получился неким «собираательным» французом – Антокольскому более сродни

¹⁵⁶ Печаталось: С98. С. 174–175, с датой <Май 1961>. В машинописном оригинале дата не проставлена. Письмо перенесено по хронологии с учетом факта болезни руки А. Эфрон.

¹⁵⁷ Книга Песни песней – каноническая книга Ветхого Завета, приписываемая царю Соломону. Обычно толкуется как сборник свадебных песен, но может интерпретироваться и как история любви царя Соломона и девушки Суламиты. «Положи меня, как печать, на сердце твое, как перстень, на руку твою, ибо крепка, как смерть, любовь; люта, как присподняя, ревность; стрелы ее – стрелы огненные; она пламень весьма сильный» – слова из этого памятника культуры.

¹⁵⁸ Валерия Ивановна Цветаева (Лера; 1883–1966) – единокровная сестра Цветаевой, дочь И. В. Цветаева от первого брака с Варварой Дмитриевной (1858–1890 г.), дочерью известного историка Дмитрия Ивановича Иловайского. Педагог. Написала биографию отца (опубликована в книге «Безо всякого вознаграждения...», изданной музеем семьи Цветаевых в Ново-Талицах в 2005 г.). С мужем С. И. Шевлягиным жила в Москве, затем в Тарусе. Принимала участие в установке кенотафа М. Цветаевой. Отдала часть своего участка А. С. Эфрон, на котором та построила дом.

Гюго¹⁵⁹; потом нельзя же писать «как ад» («красный как ад») и еще много что нельзя. В общем кругом дерьмо. (Мое «большое спасибо» вышло довольно своеобразным!) Очень хорошо, что сходили к тете¹⁶⁰; это изумительный человек, о котором Вам как-нибудь расскажу и, вероятно, единственный на весь Советский Союз революционер, получивший в течение четверти века пенсию за революционные заслуги в размере... 250 р.! (старыми деньгами). Теперь, к счастью, 600 р. (обратно же старыми). Относительно же прихожей, помню, как папа, приехавший в Москву в 1937 г., пытался хлопотать о жилье, и его высокое начальство посоветовало ему... жить у дочери. «Но дочь сама живет в каком-то алькове!» – воскликнул папа. «Это что, Московская область?» – осведомилось начальство...

Насчет Орла (жду по вехам Вашего письма); имейте в виду, что врать теперь начинаю я, т. к. иначе не смогу объяснить ему причину своего длительного молчания. Сделаю вид, что уже писала ему, но ответа не получила. Вранье не ахти, но ситуация также. Сегодня ему пишу, что удивлена *его* молчанием. Пусть лучше он оправдывается, нежели я. Восторг Твардовского меня радует пока лишь наполовину, т. к. я – свидетель подобных его восторгов, кончавшихся нередко плачевно для вверенных ему рукописей¹⁶¹. Но, с другой стороны, книжечка неплоха, статья ловка, так что можно однажды «повосторгаться» и с открытым забралом.

«Бабуин»¹⁶² уже пристроен, но пока еще у нас; конечно, он только жалкий полукровка, где уж ему пленить Вас или Ваших знакомых; я и не навязываюсь со своим товаром. Могу лишь заявить с гордостью, что расистские взгляды на кошек мне глубоко чужды. Весь прошлый год я дружила с тощим помойным длинноногим котом, необычайно умным и душевным зверем. Но он пропал, верно, хозяева с ним расправились за что-нибудь украденное.

Среди маминых знакомых, которых Вы перечислили в предыдущем письме, интересно мог бы рассказать о ней Эйсер, хоть он и краснбай (был когда-то). Сеземанов в смысле воспоминаний надо гнать в шею – (Алексея, кстати, во всех смыслах гнать не вредно)¹⁶³. О двух российских знакомых ничего сказать не могу – я их не помню – или не знаю.

Рука моя вошла в норму, чего не могу сказать о голове – по-прежнему пустой, тяжелой и усталой. Не то, что писать, но и читать ничего не в состоянии, кроме тарусской газеты, успокоительно действующей на мою тонкую (где тонко, там и рвется!) психику. В гагаринские дни в газетке этой было, например, помещено стихотворение, начинающееся строками:

«Когда над землей наш майор пролетал,
Здесь, на земле, сгрудилась *рать* его».

Ведь, не правда ли, свежо и непосредственно?

Ну итак, приезжайте непременно. Ближе к делу напишу, как к нам добираться, а может быть, и сама до этого выберусь в Москву и расскажу. Даже если будет дождик – приезжайте, распогодится. Отдохнете за свою недельку хорошо, тут дивные места. Между Тарусой – мами-

¹⁵⁹ Павел Григорьевич Антокольский (1896–1978) – друг Марины Цветаевой в 1910-е годы, добрый знакомый Ариадны Эфрон, знающей Павла Григорьевича с детства (см. письма к нему). Переводил произведения поэтов многих стран мира. Высоко оценены его переводы из французской поэзии – Виктора Гюго (пьесы «Король забавляется» и большого количества стихотворений, в том числе «Два острова», «История», «Канарису», «Презрение», «За баррикадами, на улице пустой...», «Глупость войны» и др.) и Артюра Рембо («Бал повешенных», «Воронье», «Пьяный корабль», «Военная песня парижан», «Зло» и т. д.).

¹⁶⁰ Е. Я. Эфрон. Доподлинно о революционных заслугах Елизаветы Яковлевны ничего не известно. Можно только предположить, что ее революционная деятельность (участие в сходках, митингах) совпала с годами учения на Высших женских курсах В. И. Герье, которые «славились» женским политическим движением. См. коммент. 1 к письму 8 от 5 февраля 1962 г., где содержатся сведения о старшей сестре, А. Я. Эфрон (Трупчинской), также слушательнице Курсов.

¹⁶¹ Имеется в виду его рецензия на первый сборник (*И61*) Цветаевой в СССР. См. коммент. 5 к письму 12 от 8 апреля 1961 г.

¹⁶² Прозвище кота.

¹⁶³ О воспоминаниях А. Сеземана см. коммент. 4 к письму 19 от 30 апреля 1961 г.

ной колыбелью – и той «прихожей», где она жила в Москве, – целая жизнь, о которой расскажу Вам. А увидев своими глазами «прихожую», нужно посмотреть и колыбель... Будете жить в нашем сказочном мезонинчике, оттуда вид – на все тарусские стороны света, близи и дали, на Оку, луга, леса; гулять будете сколько хочется; пить молоко, есть кашу (не только, конечно!); спать вволю. Загорите, нос облупится. (Последнее, конечно, т. е. погода, зависит не от меня, но мы очень попросим ее быть к нам милостивой.).

А пока целую Вас, и до скорой встречи. А.А. шлет сердечный привет.

Ваша А.Э.

26

Июнь 1961 г.

Анечка милая, от Орла слащавая и неконкретная весточка, в Москве будет (если) числа 6-го дня на 2, наша встреча переносится на август, когда и приедет надолго. Я *очень* жду Вас в любую погоду. Приезжайте непременно, сделайте все возможное, и сверх того.

Выезжайте *рано* утром (здесь отоспитесь), т. к. после поезда 8.20 огромный перерыв (новое расписание, увы!). До 8.20 поезда с Каланчевки каждые приблизительно минут 40, после – с Курского 9.20, а с Каланчевки нет. В Серпухове сейчас же бегите к будочке билетной (справа от вокзала), берите билет на автобус – они каждый час. Наш ориентир в Тарусе – «старая пекарня» – бывшая церковь на Воскресенской горке.

Целую, ждем.

А.Э.

27

<13 июня?> Вторник 1961 г.

Анечка, милая, только что получила все посланное Вами. За все спасибо, особенно за письмецо. Завтра напишу Вам как следует, а сейчас тороплюсь (если успею), передать эту записочку Оттену, который отправит в Москву (если не забудет!). Хочется, чтобы Вы узнали, что бандероль Ваша «без недозволенных вложений» дошла. Сердечные же Ваши чувства к Тарусскому домику и его обитателям здесь с нами, постоянно. Владыкину¹⁶⁴ напишу завтра, вложу в конверт Вам, может быть, также удастся отправить со знакомыми, чтобы скорее дошло. Почта здесь прихрамывает, ибо почтари заняты сенокосом и варкой варенья.

О делах: если будете на ул. Горького, спросите в большом книжном магазине (новом), в отделе поэзии «Новую поэзию Китая» и Варналиса¹⁶⁵. Может быть, есть и можно просто купить. Там я не так давно покупала, сдуру по 1 экземпляру.

Ради бога, не ходите в Союз и ничего не спрашивайте – все уже известно через Вигдорову¹⁶⁶ – об этом завтра подробнее.

¹⁶⁴ Григорий Иванович Владыкин (1909–1963) – литературовед, автор работ по творчеству А. Н. Островского, директор Гослитиздата (1957–1962).

¹⁶⁵ А. С. Эфрон перевела восемь стихотворений греческого писателя и поэта Костаса Варналиса (1884–1974) для книги «Избранное» (М.: Худож. литература, 1959).

¹⁶⁶ Фрида Абрамовна Вигдорова (1915–1965) – писатель, журналист, правозащитник. Участвовала в судебном процессе Иосифа Бродского и в процессе Синявского – Даниэля, хлопотала о досрочном освобождении И. И. Емельяновой и О. В. Ивинской и др.

Шушка еще пузатая, дерется с такой же пузатой соседской (тетинной) кошкой; сигает по деревьям. А.А. в Москве на несколько дней; Орел молчит; пытаюсь добить Лопе; перевод ужасен, первоначальный текст тоже. Кошмар, помесь рвотного со снотворным эта комедийка.

Целую

Ваша А.Э.

28

14 июня 1961 г.

Милая Анечка, пребольшое спасибо за присланное, за внимание, за «исполнение желаний». Рада, что Таруса стала Вам мила, но жаль, что из-за краткости пребывания не насладились главной (на мой взгляд) из ее красот – тишиной. Да и наши разговоры не способствовали этому.

После Вашего отъезда началась африканская жара, томительная даже здесь (представляю себе, каково в Москве!) и в дальние прогулки уже не ходим, а только на пляже: как только начинаем дымиться, влезает в воду. Грозы и дожди, щедро обещаемые «Последними известиями», минуют нас, а вчера, когда над Москвой пронеслась пыльная буря, у нас апокалиптически вскричали все петухи сразу и из сливной тучи упало несколько крупных, но редких капель. И всё. Так что я несказанно благодарна матери города, председателю горсовета, распорядившейся поставить водопроводную колонку прямо против нашей калитки.

Пузиковский юбилей¹⁶⁷ тронул меня до слез. Какая прелестная идея – золотой петушок! А редакция западной классики «чего» преподнесла – золотого осла? – Не горюйте, что прозе-вали такое событие, держитесь Орлова, дуйте в эстонскую деревню! Он так «живописал» ее – рыбацкую, далекую от суеты и близкую к Кохтла-Ярве¹⁶⁸, и вместе с тем потерянную в лесах, и адрес-то без улицы и № дома – на деревню дедушке... и море мелкое, специально для крупных деятелей небольшого роста... Спешите, действуйте, пока он не приехал в Тарусу, которую ему хвалил покойный Заболоцкий¹⁶⁹, и т. д.

Что с книжкой? Всезнающий Оттен¹⁷⁰ объявил мне, что: а) тираж будет девять тысяч; б) книжка идет «макетом» (что за разновидность?); в) выйдет она через месяц или недель через 6; г) и т. д. вплоть до последней буквы алфавита.

Завтра переключаясь в Лопу, постараюсь довести его до ума (или он меня – до безумия!)

А сейчас клюю носом и валюсь от сна, отсюда и «невнятица дивная» этой записочки.

Целую Вас, приезжайте слушать тишину, если она к тому времени еще удержится! От Ады Александровны сердечный привет.

Ваша А.Э.

¹⁶⁷ Александр Иванович Пузиков (1911–1996) – писатель, литературовед, лауреат Государственной премии СССР, главный редактор Гослитиздата (издательства «Художественная литература») с 1951 г. на протяжении 38 лет, специалист по французской литературе.

¹⁶⁸ Кохтла-Ярве – город на северо-востоке Эстонии.

¹⁶⁹ Николай Алексеевич Заболоцкий (1903–1958) – поэт, переводчик. В 1938 г. репрессирован, в 1963 г. реабилитирован. Последние два года жизни (1957 и 1958) провел в Тарусе («Памяти Н. А. Заболоцкого», некролог в «Тарусских страницах»).

¹⁷⁰ Николай Давидович Потапинский (псевд. Оттен; 1907–1983) – кинодраматург, переводчик, сценарист, критик. Автор киносценариев «В дни Октября» (1958) и «Татьянин день» (1967), один из редакторов литературно-художественного сборника «Тарусские страницы». Жена Елена Михайловна Голышева (1906–1984), переводчица. Семья жила в Тарусе (1-я Садовая ул., 2).

29

19 июня 1961 г.

Милая Анечка, «Челюскинцев» можно сверить – то, что в «Верстке» (раньше были «Версты», теперь пошли «Верстки»!), с белой тетрадью, конец – с черновой (где есть еще варианты), хоть это, собственно, в свертке не нуждается, конец Вам послала недавно, переписав в строгом соответствии с тетрадным текстом, а начало – на «Верстки» также соответствует оригиналу (рукописному). «Тоску»¹⁷¹ Вам придется сверять не с оригиналом, а с опубликованным текстом, т. к. у меня она – в чистовой тетради – *пробелами*, при переписке пропущены места, нуждавшиеся, по маминому мнению, в доработке.

А вот насчет поэм на меня сейчас просто затмение нашло! Есть ли они у меня в беловике? Или только в черновиках? Брала ли я печатные тексты или печатала с тетрадей? С какими текстами сверяли мы с Марией Яковлевной¹⁷². В следующую поездку в Москву выясню, а сейчас, как ни стыдно, совершенно не помню. – Мама взяла с собой сюда все стихотворения, раннее – в беловиках, позднее – в беловиках и черновых тетрадях; большие поэмы, пьесы – не в рукописях (в большинстве), а в печатных оттисках с собственной правкой, вставками, добавлениями. То же (в большинстве) с прозой; все, что из этого имеется, в *черновиках*. Огромный архив подлинников погиб в Париже. А здесь растащили кое-что из оттисков (без меня). При маминой жизни была утрачена (совсем) рукопись ее первой пьесы, неопубликованной «Ангел на площади», рукопись (опубликованной) «Метели»¹⁷³, окончательный вариант «Крысолова»¹⁷⁴ и совсем пропало несколько стихотворений, в т. ч. прекрасное (раннее) «Крыло, стрела и ключ»¹⁷⁵. Первый вариант «Егорушки»¹⁷⁶ и белой второй. Некоторые слабые стихи мама уничтожила сама. Самые ранние рукописи («Вечерний альбом», «Волшебный фонарь», «Юношеские стихи», хранившиеся частично у маминой сестры Анастасии Ивановны, пропали в связи с 37-м годом)¹⁷⁷.

Впрочем, я ушла в сторону от главного, т. е. от того, что насчет поэм я освежу свою дырявую память, посмотрев тетради, и сообщу Вам. Может быть, тут же сверим, а если у меня, как сейчас показалось, лишь черновики, то сверите сами с «Верстами» и «Ковчегом»¹⁷⁸ (кажется). Что-то меня сейчас пугает: был у нас разговор с Марией Яковлевной, объяснивший, что издательским правилам тексты всегда сверяются с последним печатным изданием, а с рукописями лишь в том случае, если они – более поздние, нежели издания (как было с мамиными тетрадями 1939 г.), т. к. они могут содержать более поздние варианты и доработки. Если же рукопись *моложе* издания, то сверяется с изданием. А вот к какому согласию мы пришли – не помню.

¹⁷¹ Стихотворение «Тоска по родине! Давно...» опубликовано в газете «Дни» (Берлин. 1924. 17 авг.), в *ИБ1* включено.

¹⁷² М. Я. Сергиевская.

¹⁷³ «Ангел на площади», «Метель» – см. коммент. 6 к письму 11 от 29 марта 1961 г.

¹⁷⁴ «Крысолов» (1926) – сатирическая поэма. Впервые по главам печаталась в журнале «Воля России» (Прага. 1925. № 4, 5, 6, 7–8, 12; 1926. № 1).

¹⁷⁵ Стихотворение «Крыло, стрела и ключ» – неоконченное стихотворение 1921 г. «Попутчик» (СС2. С. 11–12). Черновой вариант этого стихотворения содержится в *ТТ1*. Кн. 2. С. 175.

¹⁷⁶ См. письмо 11 от 29 марта 1961 г. и коммент. 7 к нему.

¹⁷⁷ 2 сентября 1937 г. А. И. Цветаева была арестована. Ее обвинили в причастности к якобы существовавшему «Ордену розенкрейцеров», созданному Борисом Михайловичем Зубакиным (1894–1938). В 1938 г. она была приговорена к 10 годам лагерей по обвинению в контрреволюционной деятельности.

¹⁷⁸ «Версты» (Париж) – журнал под ред. Д. П. Святополк-Мирского, П. П. Сувчинского и С. Я. Эфрона «при ближайшем участии А. Ремизова, М. Цветаевой и Л. Шестова», выходивший в 1926 (июнь), 1928 г. (три выпуска). В нем печатались «Поэма Горы» (1926), «Тезей. Трагедия» (1927), «С моря» (1928), «Новогоднее» (1928). Сборник «Ковчег» (первая книга, вторая не вышла) издан в Праге в 1925 г. (на титуле 1926 г.) под ред. В. Ф. Булгакова, С. В. Завадского и М. И. Цветаевой. В нем напечатана «Поэма Конца».

Относительно Орла – не рыдайте ночью в подушку: Вы молоды и прелестны, этим все сказано, а меня он еще не видел, и не знает, какое разочарование его ждет после эстонской деревни...

За Чехова¹⁷⁹ очень благодарна – у меня нет, конечно: откуда бы взялось? Я Вас *очень* прошу – записывайте мои книжные расходы, я этого не делаю, и потом мы можем запутаться в расходах, что мне было бы чрезвычайно неприятно.

Мне очень хочется, чтобы Вы еще раз приехали к нам, но меня дико задерживают («в смысле располагать» собственной мансардой) почтенные гости (не из породы «идеальных» – мечты Ады Александровны!), которые и сами не едут, и другим не дают. Их нельзя ни с кем «смешивать» ради их удобства; как только выяснится с ними – напишу, может быть, выкроите тогда несколько деньков, поскольку, говорите, время есть. Помимо «почтенных» ожидаются еще одиночные визиты женского пола, с которыми (визитами?!) Вы, в крайнем случае, сможете посуществовать в одной комнате: Адины или мои, или наши общие приятельницы, все милый и болтливый народ, который Вам – если с кем-нибудь совпадет – не мешает отдохнуть и погулять.

Довезли ли Вы ландыши, или они осыпались еще по дороге?

Цветут луга – но плохо, бедно – слишком сухо, жарко было, повыжгло. Зато в тенистых местах, на лесных полянках ромашки хороши. Гуляем мы мало, но одну хорошую прогулку сделали – на пароходике в сторону Алексина¹⁸⁰; побывали в двух бывших имениях – разорение, запустение, дивные липовые аллеи – под самые небеса деревья! и та же картина – превратившиеся в шиповник розы, и превратившиеся в болота пруды – странно, грустно, вспоминается Бунин¹⁸¹. А главное – главное – что никакой «младой жизни»¹⁸² не наблюдается на старых развалинах и как-то всё впустую.

Оттена не видела с тех пор, нет вру, один раз мельком. Он болен, и я его не трогаю. А его не трогать – он не интересен.

Заедают разные особи, забредающие на огонек – в основном среди бела дня. Купаться не ходим – холодно. В садике все цветет; и с утра до ночи питаемся салатом, пока что единственным «продуктом» огорода.

Я все еще «на подступах» к работе – разболталась. Прочла «новую» пьесу (17 век!), которую буду переводить, тихо ахнула, отложила в сторону. Но завтра, ей-Богу, впрягаюсь, а то это плохо кончится. Целую Вас, привет от Ады Александровны.

Ваша А.Э.

Разведка донесла мне, что Ваш соредaktor уже обещал ... Гарику¹⁸³ пресловутому 10 экземпляров маминой книги. Хорошо живет «тунеядцам»! Себе бы так. А что касемо Гари-ков, то из них и вырастают будущие Крученых. Не сам и вырастают, но бережно выращиваются. И нет в этом никакой правды, даже сырмяжной.

¹⁷⁹ В 1960–1964 гг. издательство «Художественная литература» готовила к печати двенадцатитомное собрание сочинений А. П. Чехова.

¹⁸⁰ Алексин – старинный город в Тульской области, расположен на берегу Оки.

¹⁸¹ Иван Алексеевич Бунин (1870–1953) – писатель, поэт и переводчик, лауреат Нобелевской премии по литературе. Видимо, здесь имеется в виду его рассказ «Тёмные аллеи» (1938). Рассказ (как и весь сборник) получил свое название от двух строк стихотворения поэта, публициста Николая Платоновича Огарева (1813–1877) «Обыкновенная повесть»: «Кругом шиповник алый цвел / Стояла тёмных лип аллея...». Отношения Цветаевой и Бунина были сложными, сопровождались резкими взаимными упреками. Он не признавал поэзии Цветаевой. Молодая Ариадна была знакома с Буниным, оставила запись о своем прощании с ним (В2. С. 134).

¹⁸² Аллюзия на строки стихотворения А. С. Пушкина «Брожу ли я вдоль улиц шумных...» (1829): «И пусть у гробового входа / Младая будет жизнь играть, / И равнодушная природа / Красою вечно сиять».

¹⁸³ Гарик – сын Т.Л. и П. И. Бондаренко.

Относительно подарков юбиляру – ботинки это хорошо. А «исподнее», верно, никто не догадался – мало ли какие предынфарктные состояния могут напасть на столь высокопоставленного и ответственного товарища!

Спокойной ночи!

30

23 июня 1961 г.

Милая Анечка, путь к нам свободен если – Вам удобно и работе, или отсутствие ее, позволяет, берите отпуск на недельку и приезжайте в любой удобный Вам день на будущей неделе (начиная со вторника). Только дайте телеграмму о приезде, т. к. мы иногда уходим открывать новые горизонты и, естественно, дома остается только Шушка. С собой везите знакомый Вам батон белого хлеба и купальный костюм. Тут сейчас еще лучше, чем в первый Ваш приезд, так что не откладывайте, а то «встрянут» какие-нибудь стихии и помешают.

Целуем Вас обе.

Учтите, что после 8 часов с Каланчевки мало поездов и тогда нужно с Курского.

Ваша А.Э.

31

27 июня 1961 г.

Спасибо, спасибо, Анечка! Приезжайте, пока погода хорошая. Посылаю телеграмму, но, может быть, и открытка Вас застанет. Захватите поэмы – тексты привезла, сверим. Постарайтесь ехать в 7.25 с Каланчевки, позже много народу и из Серпухова труднее добраться. А с этим поездом я вчера доехала безболезненно. Ваших девочек не видела – жаль; не дождалась их, надо было съездить в Москву. О приезде телеграфируйте и не мешкайте, пока ничего не навалилось. Целуем Вас.

Ваша А.Э.

P.S. По поводу Ваш его дурацкого письма поговорим при встрече – писать некогда.

32

20 июля 1961 г.

А кто это там сидит в редакции и клюет носом?

Как делишки? Как доехали? Как и чем встретила Вас Москва? У нас все то же, взялась за Лопе, перечитывая свой перевод несколько раз падала под стол, засыпая. Ну и комедия! Что-то будет!

«Предисловие» к Цветаевой «Тарусских страниц» будет писать... Ахматова! Это – последняя Оттоновская сенсация.

Целуем Вас, А.А. просит передать Вам свое сердечное «Э»!

Ваша А.Э.

33

26 июля 1961 г.¹⁸⁴

Милая Анечка, сперва, по велению сердца о Тарусе, потом о делах. Таруса: переменная облачность, временами осадки, ветер слабый; дни короче, утра и вечера прохладней; малина, вишни, черная смородина превращены в варенье; огурцы съедены нами и частично слизняками и не засолены, и то слава Богу, выбрасывать меньше; А.А. уехала на неделю в Москву (до понедельника), мы с Шушкой вдвоем; утром бегу на пляж, купаюсь, «общаюсь» с полуголым бомондом, и обратно. Мика Голышев¹⁸⁵ появился на следующий день после Вашего отъезда; общается с «сюрреалистами» и какими-то, одетыми не больше, чем в раю, блондинками-художницами из ВГИКа¹⁸⁶; последнее обстоятельство делает улыбку его мамы¹⁸⁷ несколько натянутой.

Мандельштамихин салон работает на полную мощность – вниманию публики предлагается дирижер Лео Гинзбург¹⁸⁸ (открыватель и извлекатель из Ташкента Керера¹⁸⁹) – с дочкой и «Победой», множество околелитературных и околживописных имен; устраиваются Мандельштамовские чтения; у конкурирующего Оттеновского салона – Цветаевские чтения. О проникновении в суть читаемого поведаю вам следующий эпизод: Елена Михайловна и Николай Давидович¹⁹⁰ на пляже мне: «Вчера собрался у нас кое-какой народ... Мы им читали Цветаеву и нашли такую, уж такую грубую опечатку – а печатали-то Вы, Ариадна Сергеевна! Вместо «грязь *брызгает* из-под колес», Вы напечатали «грязь *брезгает* из-под колес»¹⁹¹ – ха, ха, ха!» Я в ответ тоже «ха-ха-ха», как можете себе представить!

А вот с Лопе никак дело не движется; застряла на рифме «свадьбы», а на нее есть только «усадьбы» да «на...ср...бы».

Нана и Инна¹⁹² загорели и погрузнели – им уже маячит отъезд. Ира¹⁹³ пишет довольно часто – просит французских книг и прочей духовной пищи; ходит на сенокос, радуется окружающей природе и вообще, по письмам, мила; Ольга Всеволодовна¹⁹⁴ требует... антирелигиозной литературы, дабы бороться с темнотой и невежеством окружающих сектантов; поворот даже для этой дамы неожиданный. Из всех ее поворотов *этот* поставил бы в тупик и «самого» Бориса Леонидовича¹⁹⁵. Словом, последняя глава «пресловутого романа» дописывается явно не тем пером!

О делах: документы на прием (анкета, сведения о литературных работах (!), заявление и автобиография уже отосланы на предмет рекомендации бюро¹⁹⁶. Пока что без личного знакомства с секретарем секции – это приложится. Рекомендация бюро как будто бы обеспечена,

¹⁸⁴ Печаталось: С98. С. 178–181; В2. С. 117, 118, все – с сокращениями.

¹⁸⁵ Виктор Петрович Голышев (р. 1937) – переводчик с английского. Его переводы считаются эталонными.

¹⁸⁶ ВГИК – Всесоюзный государственный институт кинематографии.

¹⁸⁷ Е. М. Голышева.

¹⁸⁸ Лео Морицевич Гинзбург (1901–1979) – дирижер, пианист, профессор Московской консерватории.

¹⁸⁹ Рудольф Рихардович Керер (1923–2013) – русский и немецкий пианист, преподавал в Московской консерватории.

¹⁹⁰ Е. И. Голышева и Н. Д. Оттен.

¹⁹¹ В стихотворении «Есть в мире лишние, добавочные...» из цикла «Поэты» (1923) 4-ю строку 2-й строфы правильно читать: «Грязь брезгает из-под колес».

¹⁹² Марианна Фрейдина (р. 1942) – ученица Иннессы Захаровны Малинкович (1928–1992), учителя английского языка, автора книги «Судьба старинной легенды» (о сюжете поэмы М. Цветаевой «Крысолов») (М.: Восточная литература, 1994).

¹⁹³ И. И. Емельянова.

¹⁹⁴ О. В. Ивинская.

¹⁹⁵ Б. Л. Пастернак.

¹⁹⁶ Документы для вступления в секцию художественного перевода Союза писателей СССР.

т. к. одну из рекомендаций для вступления давал мне как раз Маршак¹⁹⁷, а Звягинцева¹⁹⁸ знала меня маленькой и трогательной, авось не устоит. Вот только с фотографиями не вышло: местный фотограф по имени Серафим, несмотря на имя, закатил мне такую харю, что из шкурных соображений не решилась присовокупить ее в требуемом количестве экземпляров: посмотрят – откажут, как пить дать.

Книжки, сказали мне, потребуются несколько позже, видимо, не для бюро, а для комиссии приемной; впрочем, кому они вообще нужны?¹⁹⁹

Современная китайская поэзия²⁰⁰, пьесы Франции и Варналис²⁰¹ у меня есть по 1 экземпляру, старого Тагора²⁰² и Незвала²⁰³ нет, но Незвал и не нужен, я даже в списках его не указала, так же, как и неведомую мне самой и неизвестно где вышедшую некую антологию чешской ли, словацкой ли поэзии. Ищи их, тащи их, а там переводов-то с гулькин нос.

Хорошие переводы у меня: Гофштейн²⁰⁴ (хотя и мало); Варналис (почти вся книжечка) и Арагон, этих хотелось бы собрать по 3, а остальные мне – «как Господь».

Писульку Владыкину²⁰⁵ прилагаю, может быть, ее можно (скорее) подать просто в издательство без промежуточной почты, если неудобно почему-либо, вложите в конверт, напечатайте адрес, хорошо?

Орел в августе недосыгаем и для меня; а в сентябре он мне не нужен, т. к. девать его некуда – и в мезонинчике замерзнет к черту – не класть же его, простите за вульгарность, с собой спать внизу – слишком столичная штучка для нас, простых советских людей, но там видно будет – может быть, и положим!

Великодушные редакции с Орловской фамилией (подготовка текста) меня просто потрясло²⁰⁶. Угрызаться-то будет не он – а я, причем всю свою жизнь, что там не моя фамилия стоит. Редкий для меня случай тщеславия (в данном случае не «тще») (и не «славия»). Очень мне дорога и очень мною выстрадана именно эта, первая посмертная книжечка. И дорого мне далась «подготовка текста» и «составление» – мне, только что вернувшейся из ссылки, последними слезами плакавшей над сундучком с разрозненными остатками архива – жизни. Не простая это была подготовка, и в данном случае Орловская фамилия вместо моей, дочерней – издательство «великодушной», а главное – «дальнозоркой» редакции. Лично к Вам это,

¹⁹⁷ С. Я. Маршак был руководителем секции художественного перевода.

¹⁹⁸ Вера Клавдиевна Звягинцева (1894–1872) – актриса, поэтесса, переводчица, заместитель С. Я. Маршака. С Звягинцевой и ее мужем Александром Сергеевичем Ерофеевым (1887–1949) Цветаева познакомилась в 1919 г. Знакомство переросло в дружбу, хоть и недолгую.

¹⁹⁹ А. С. Эфрон с 1955 г. занималась переводами. Она переводила стихи поэтов многих стран (М. Эминеску, М. Бануш, Д. Гофштейна, Д. Соломоса, Ф. Петрарки), участвовала как переводчик в сборниках: «Новая арабская поэзия» (1958), «Современная персидская поэзия» (1959), «Из современной бельгийской поэзии» (1965). Переводила французских поэтов XIX в. (Ш. Бодлер, Т. Готье, П. Верлен) и современных поэтов (Л. Арагон, П. Ж. Жув, Л. Массон, П. Реверди, Т. Тцара в сб.: «Я пишу твою имя, свобода». М., 1968). Автор переводов пьес Лопе Ф. де Вега Карпыо, Тирсо де Молина, П. Скаррона, Мольера и др.

²⁰⁰ Переводы для книги «Новая поэзия Китая» (1959), а также переводы стихов в классическом китайском романе «Путешествие на Запад» У Чэн-эня (т. 1–4, 1959).

²⁰¹ Костас Варналис.

²⁰² Возможно: Тагор Р. «Возмездие природы» (1957, пьеса).

²⁰³ А. С. Эфрон перевела стихотворение «Крылья» чешского поэта Витезслава Незвала (1900–1958), одного из основателей сюрреализма в Чехословакии. В 1960 г. в Москве вышел сборник его произведений «Избранное» (издательство «Иностранная литература»), в котором участвовала и А. Эфрон. В издательстве «Художественная литература» готовился к изданию другой сборник Незвала – «Лирика» (вышел в 1964 г.). Для него Ариадна Сергеевна перевела стихотворение «С крушением каст...» (с. 51).

²⁰⁴ Давид Наумович Гофштейн (1889–1952) – еврейский поэт и переводчик. В годы Великой Отечественной войны был членом Еврейского антифашистского комитета. Член ВКП(б) с 1940 г. После войны жил в Киеве. Репрессирован в 1948 г., обвинялся в шпионской деятельности по делу Еврейского антифашистского комитета. В 1952 г. расстрелян. Реабилитирован в 1988 г. А. Эфрон перевела его стихотворение «Вдохновение» для антологии «Советская поэзия» (1977).

²⁰⁵ Г. И. Владыкин.

²⁰⁶ См. коммент. 2 к письму 6 от 11 марта 1961 г.

конечно, не относится, что до издевательства – отношу его к *роковому* (в малом и большом), тяготеющему над семьей. Которой уже нет.

Пока писала Вам, и солнце встало, и туман рассеялся – да будет так и в нашей жизни!
Обнимаю Вас, люблю, спасибо за всё.

Ваша А.Э.

Про лопухов и улиток мне понравилось (еще раз – эту вещь знаю – и стихи хорошие)²⁰⁷.
Очень благодарна за Чехова. Особенно же за «Новогоднее»²⁰⁸.

Спасибо, дружок! Будьте здоровы и веселы.

34

4 августа 1961 г.

Милая Анечка, просто не успеваю отвечать Вам! Единственное преимущество Вашего отсутствия то, что часто пишете. Рада была узнать, что хоть два дня вырвали из этого пекла и провели их загородом. Жара нестерпимая была даже здесь, но вот сегодня вечером прокатилась огромнейшая гроза, изумительная, все небо в синих молниях и малиновых зарницах, электричество выключали, так что сидели в темноте на террасе и любовались электричеством первозданным. Сразу посветлело, стало легче дышаться. А.А. приехала дня 3 тому назад, привезла племянницу²⁰⁹, развлекать которую помогали все те же самоотверженные Инна и Нана (шлющие Вам привет!). Они ее купали, загорали, сопровождали в Поленово²¹⁰ и обратно, катали на лодке, познакомили с молодежью обоего пола, только что в кино не водили. Теперь она (племянница), едет завтра в Москву, захватит эту сонную записку. Устаю от райской жизни как собака, готовка донимает, да и не только она. Ничего не успеваю, время летит невыносимо и тратится на пустяки беспощадно.

На Ваше «деловое» письмо отвечаю вкратце – очень, т. к. сегодня обалдела особенно:

1) Из прозы, перечисленной Вами, у меня есть только «Земные приметы»²¹¹ (типографский оттиск с правкой).

2) «Сибирь»²¹² есть.

3) Рукописи «Перекопа»²¹³, «Лебединого Стана» и «Поэмы о Царской Семье»²¹⁴ хранятся в Базеле и никогда в *подлиннике* никаким Иваскам²¹⁵ не попадут. Знакомые, живущие в Швей-

²⁰⁷ Речь идет о сказке Х. К. Андерсена «Счастливое семейство». Это «Добрая история о счастливой жизни улиток в лопухином лесу. Господа уже давно перестали готовить их и подавать на серебряном блюде. И две оставшиеся улитки жили спокойно и безмятежно, наслаждаясь солнцем и лесом. Они даже усыновили улитку из простых и женили его на красивой молодой улитке. Сыграли свадьбу, молодые зажили счастливо, а старички вползли в свои домики и заснули...».

²⁰⁸ Новогоднее (1927) – впервые в журнале «Версты» (Париж. 1928. № 3). Поэма посвящена памяти Р. М. Рильке.

²⁰⁹ Кто являлся племянницей, которую привезла Ада Александровна Шкодина, установить не удалось. О племяннице Ады Александровны Шкодиной см. также упоминание в письме 2 от 4 июня 1972 г.

²¹⁰ «Поленово» – усадьба художника Василия Дмитриевича Поленова (1844–1927) на правом берегу Оки. В 1931 г. там открыт Дом-музей художника. Поленов был другом Ивана Владимировича Цветаева, часто бывали у Поленовых и его дети – Марина и Ася.

²¹¹ Орывки из книги «Земные приметы», написанные как дневниковые записи в Москве в 1919 г., опубликованы впервые в журнале «Воля России» (Прага. 1924. № 1–2). Цветаева намеревалась издать книгу «Земные приметы», составленную из записей революционных лет, но замысел ее не был осуществлен.

²¹² «Сибирь» – фрагмент (пролог) «Поэмы о Царской Семье». Пролог впервые опубликован в журнале «Воля России» (Прага. 1931. № 3–4).

²¹³ «Перекоп». – В 1938 г., перед отъездом в СССР, Цветаева переписала книгу стихов «Лебединый стан» и поэму «Перекоп» и оставила их на хранение Е. Э. Малер, профессору Базельского университета (Швейцария). В настоящее время рукопись находится в библиотеке Базельского университета.

²¹⁴ «Поэма о Царской Семье» не сохранилась, известны лишь фрагменты из нее (см. ССЗ. С. 758–759, коммент. на с. 811–813).

²¹⁵ Юрий Павлович Иваск (1907–1986) – поэт, критик, историк литературы. Автор статей о Цветаевой, посвятил ей

царии, обещали мне все это разузнать и кое о чем договориться. Если удастся снять фотокопии – сделают. И, может быть, даже сами привезут – в этом году или будущем.

4) С Кудашевой²¹⁶ с 17 года нет никаких связей и бог с ней – есть другие возможности.

5) Поэма не о «династии», а о последних ее представителях (и сопровождавших их лицах).

6) Относительно Кати²¹⁷ она должна прислать список имеющейся у нее прозы (стихотворное, т. е. списки, полученные мною почти все, и всё это у меня есть); дублировать имеющееся здесь, по-моему, не стоит (?) подлинников (переписанных маминой рукой стихов, писем и пр.) у нее очень мало. Когда выяснится, в чем именно нуждается мой архив из того, что у нее есть, может быть, этого окажется так немного, что не придется, возможно, и огород городить с посольством и проч. И всё можно будет осуществить проще – через тех же швейцарских знакомых (они знакомы и ей) – иногда наезжают сюда и что-то в небольших количествах смогут провозить.

Все это движется медленно, ибо затруднено рядом побочных обстоятельств, но движется, и давно. Всё устроится – вдвойне – как только выйдет книжка; и в тысячу раз, если я буду принята в Союз. И то и другое для сбора архива имеет *огромное* значение. (Имею в виду «раздобытие» *оттуда*.)

Зурова²¹⁸ я не знаю, Вечеславов²¹⁹ молодец, фотография Муромцевой²²⁰ прекрасна, я еще ее у себя подержу; переснять здесь невыносимо. Подарил бы он и мне такую же, а я ему запишу то, что сама помню о Бунине и Вере Николаевне, он же всё собирает – всякое деяние благо!

О том, что мне известно об имеющемся здесь мамином – потом. Здесь Вы можете оказаться незаменимо-полезной, я-то со многими уже разлаязалась или на грани; у Вас же нет моих оснований лаяться. Очень рада, что будет 75 экземпляров. Очень, очень, очень! Жаль, что сто не попросила... Теперь о переписке (перепечатка на машинке) для меня: очень *нужно*, независимо от того, *есть* ли у меня или нет (имею в виду для начала *прозу*, которой у меня мало и с которой (помимо сборника) легче «иметь дело», т. к. сохранилось в основном лишь опубликованное) – ибо к (тому, что есть в архиве, можно обращаться лишь в крайнем случае<)>, это не для обихода. А мне и для обихода мало – перепечатанное, переплетенное. Деньги на это найдутся – постепенно, т. к. на все это нужны большие, они не сразу приходят. Но *для начала* они есть, и *на это* будут всегда. Вот в этом Вы мне помогите – исподволь, как Вам

несколько стихотворений. Цветаева переписывалась с ним в 1930–1936 гг., встречалась с ним в Париже в 1938 г. Иваск оставил воспоминания об этих встречах (ГЭ. С. 296–300). Цветаева перед отъездом из Франции пыталась передать Иваску в 1938 г. на сохранение свои материалы, но он отказался, мотивируя это тем, что может наступить Красная армия и они окажутся в оккупации.

²¹⁶ Мария Павловна Кудашева (урожд. Михайлова, по матери Кювилье, в первом замужестве Кудашева, во втором Роллан; 1895–1986) – знакомая Цветаевой по Коктебелю 1912/1913 г., поэтесса, переводчица. С 1931 г. жила во Франции и Швейцарии. В Париже М. И. Цветаева и М. П. Роллан отношения не поддерживали.

²¹⁷ Е. И. Еленева.

²¹⁸ Леонид Федорович Зуров (1902–1971) – писатель, искусствовед. Член Союза молодых поэтов и писателей, председатель Объединения русских писателей и поэтов, член Центрального Пушкинского комитета в Париже (1935–1937). Секретарь И. А. Бунина, наследник его архива. Известно письмо Цветаевой к Зурову от 12 февраля 1936 г., в котором она дает согласие выступить на вечере поэтов.

²¹⁹ Вечеславов. – Личность установить не удалось.

²²⁰ Вера Николаевна Муромцева (в замужестве Бунина; 1881–1961) – писательница, мемуаристка, переводчица, жена И. А. Бунина (вторая). Переписка Цветаевой и Буниной началась во Франции весной 1928 г. и продолжалась почти десять лет (известны 29 писем). Поводом для переписки, а затем и для возникшей дружбы между ними стали воспоминания о доме известного историка Д. И. Иловайского, на дочери которого был женат И. В. Цветаев (первым браком) и с семьей которого в юности дружила Вера Николаевна. Сведения об общих корнях в родственном прошлом, которые содержались в воспоминаниях В. Н. Буниной «У Старого Пимена» (Париж. Россия и славянство. 1931), она разрешила использовать Цветаевой в автобиографической прозе, над которой та работала. Цветаева писала: «...сражена Вашим великодушием давать другому свое как материал – сама бы так поступила, но так пишущие не поступают» (письмо от 19 августа 1933 г.). Свою автобиографическую прозу «Дом у Старого Пимена» (Париж. Современные записки. 1934. № 54) она посвятила: «Вере Муромцевой, одних со мной корней». «Дом у Старого Пимена» был опубликован в журнале «Москва» (1966. № 7). См. письмо 40 от 3 декабря 1965 г.

будет удобнее, и держите запись трат, чтобы я могла немедленно рассчитаться; буду в Москве – просто дам Вам какую-нибудь сумму в счет этих трат (машинка, переплет).

В 1962, надеюсь, поработать с Вами над «моим» маминым архивом. Как, когда – подумаем. Вам и мне потребуется, в основном, *время* (и место!) – остальное приложится.

С наслаждением читаю – помалу, перед сном Вашего Чехова. Будь я Министерством культуры, приостановила бы на несколько лет всю литературу, кроме мемуарной. Пусть за это время писатели писали бы всерьез и не торопясь; а я бы мемуары читала. А бумага высвободилась бы для моих переводов, которые, кстати, не лезут ни в голову, ни из головы.

А.А. напишет Вам сама – она всё вспоминает Вас – любовно, что для нее редкость; она требовательна к людям, особенно к «моим».

Инна и Нана таскают мне каждый вечер воду для огорода – очень милы, и все милее по мере того, как со временем рассасывается накрывшая было их с головой тень пресловутого «дела». Хорошие девочки.

Я Вас обнимаю, мое полурыжее дитё. Будьте здоровы и веселы. Спасибо Вам за все.

Ваша А.Э.

А.А. целует Вас.

35

11 августа 1961 г.

Милая Анечка, о покое не может быть и речи – его нет внутри, это основное, а кроме того, «снаружи» – гостит некая Мария Ивановна²²¹, милейшая и тишайшая женщина, у которой около 40 лет назад (!) мы все, т. е. мы с мамой, – останавливались, приехав в Чехию из СССР. «Долг платежом красен» – тем более столько лет спустя.

Ваши мысли насчет Иры и Ольги Всеволодовны²²² – железобетонный стандарт «прогрессивного общественного мнения» – мне даже приятно, что хоть в чем-то Вы не оригинальны. Все дело в том, что подходить с позиции здравого смысла к этому семейству – бесполезно, так как там всё и вся – наоборот; как есть материя и антиматерия (и Дюринг и антиДюринг)²²³

²²¹ Мария Ивановна Романченко. Сведений о ней найти не удалось.

²²² И. И. Емельянова и О. В. Ивинская.

²²³ Карл Евгений Дюринг (1833–1921) – немецкий философ, профессор механики, занимался вопросами политэкономии и права. Фридрих Энгельс посвятил учению Дюринга книгу «Анти-Дюринг», в которой назвал его эклектиком и резко выступил против его мелкобуржуазной теории.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.